

Вып. № 45.

В С Е М И Р Н А Я Л И Т Е Р А Т У Р А

Ж Ю Л Ь М И Ш Л Е
J U L E S M I C H E L E T

— 1798 — 1874 —

Ж А Н Н А Д' А Р К

ПЕРЕВОД Т. БЫКОВОЙ,
Е. СКРЖИНСКОЙ, М. КЛИ-
МЕНКО ПОД РЕДАКЦИЕЙ И
С ПРЕДИСЛОВИЕМ О. А. ДО-
БИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКОЙ

Проверено 1937 г.

П Е Т Е Р Б У Р Г

— 1 9 2 0 —

Изд. „ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
при Государственном Издательстве

519392

DK 200
M-71

519392

ПРЕДИСЛОВИЕ.

I.

Жюль Мишле во введении к своей книге о Жанне д'Арк изобразил время и обстоятельства, среди каких явилась удивительная девушка. Для читателя мало знакомого с историей, мы прибавим некоторые пояснения *).

Жанна д'Арк родилась в 1412 г., и ее деятельность приходится на предпоследнее десятилетие войны между Францией и Англией. Мы говорим: предпоследнее десятилетие, потому что война, получившая имя Столетней, протянулась, действительно, более века (1337—1453). Трудно разобратся в настоящих причинах длительного кровопролития, губившего соседние народы, которые географически разделяла узкая полоса моря (Ламанш) и соединяли внутренне многие хозяйственные и культурные связи. Франция и Англия в то время были королевствами. Во

*). Ссылки на литературу и источники реакции наша правильно устранили; они излишни: обременят книгу и в настоящее время утратили свое значение. В передаче текста мы руководились следующими соображениями: большинство латинских выдержек в приключениях Мишле — почти дословное повторение того, что сказано в тексте: мы их устранили. Старо-французские тексты дают интересные дополнения; мы нашли необходимым перевести их.

главе обоих стояли наследственные династии: Валуа во Франции, Ланкастеры в Англии. В ту пору политическая власть в стране рассматривалась, как собственность; она передавалась по завещанию и браку, дробилась по воле короля. Родственные союзы между обеими династиями и неясность наследственного права привели к тому, что Ланкастеры не только владели отдельными областями на земле Франции, но и заявляли права на ее корону. В ответ на это французские короли стали вмешиваться в отношения Англии и Шотландии и интриговать против Ланкастеров.

Более глубокие причины заключались в споре из-за влияния во Фландрии. Ближайшая соседка Франции, промышленная и торговая Фландрия находилась в политической от нее зависимости. Но свободолюбивое население ее гордых, цветущих городов плохо мирилось с навязчивой опекой соседки. Его привлекала дружба Англии, с которою Фландрию прочно связали хозяйственные интересы: англичане были постоянными покупателями фландрских полотен и доставляли шерсть ее суконным фабрикам. В недоразумениях Ланкастеров и Валуа Фландрия сменяла стать на сторону Англии.

Прямым государем Фландрии был один из самых могучих французских князей, „вассал“ и родственник французского короля, герцог бургундский. Поддерживая ее интересы в ущерб

интересам Франции, бургундский герцог чаще склонялся к дружбе с Англией. Такая политика для современника Жанны, герцога Филиппа Доброго, вызывалась также личными соображениями. В правление безумного Карла VI-го около его трона разыгралось соперничество королевского брата Людовика (герцога орлеанского) и бургундского герцога Иоанна Неустрашимого, который был назначен опекуном несчастного безумца и столкнулся в этой роли с ближайшим его родственником. В борьбе все средства были пущены в ход: бургундская партия убила Людовика, орлеанская — Иоанна. Со времени этих событий члены орлеанского дома, как законные, так и побочные, — напр. Дюнуа (см. ниже) — крепче связывают свое дело с делом Валуа. Наоборот, молодой бургундский герцог Филипп, резко разрывая с французской династией, переходит на сторону Ланкастеров.

Подобное положение не представлялось современникам особенно сложным, запутанным. Как Англия, так и Франция были государствами феодальными, где политическая власть над большинством областей издавна считалась переуступленной королем его вассалам, — представителям военной знати, а с XIV века, членам королевской семьи. Вассалы держали себя, как самостоятельные государи; безотчетно управляли своими областями — феодами; не спрашивая

короля, вступали в войну и заключали мир, вели личную корыстную политику, угнетали население и поднимали мятежи против королевской власти. Зло этого порядка ощущалось и жестоко страдавшим от него населением, и королем. Лучшие короли, умевшие понять интересы страны и свои собственные, боролись с „феодализмом“ во имя общего права, закона и мира. Эта политика, а также поддержка влиятельной церкви сделала „власть лилии“ (лилия была знаком французской королевской власти) очень популярной в народе. Более того: в его глазах власть эта была окружена сиянием святости. Даже отдельные правления легкомысленных, недобросовестных и безумных государей долго не могли поколебать или разрушить в народных массах чувства привычной верности королю—„помазаннику“. Доказательство этого—вся история Жанны и сила вызванного ею движения.

Но в стране еще не образовалось глубоких внутренних связей. Тогдашний француз знал себя, свой поселок, да смутно „государя—короля“. Он мало думал о далеком соседе, еще меньше—о Франции. Ни стихийные волнения крестьян, разразившиеся в середине XIV века, ни более сознательные попытки парижской буржуазии не создали движения, которое могло бы обнаружить и организовать действительные интересы масс, сплотить нацию. Все это и

сказалось в несчастной войне. Народ не понимал причин войны, не хотел ее, воевал по принуждению, без страсти; не умел ни вести ее, ни кончить. Постоянно выступали различные группы, тянувшие врозь, переходившие из одного лагеря в другой. Большинство, не имея ни своей мысли, ни воли, терпело покорно все бедствия, или шло за ближайшими случайными вождями. Войниственная аристократия, поделившая страну на множество вотчин—государств, совершенно неспособна была пробудить и собрать народное сознание. Она его всячески разлагала, все глубже внося войну внутрь страны, раздувая ее в своих частных интересах и бесконечно затягивая.

Годы, выдвинувшие Жанну, были самыми тяжелыми в этой войне, самыми унижительными для национального самолюбия. Только что скончался безумный король Карл VI. Он оставил вдову—королеву, которая, устроив брак своей дочери с Генрихом V Ланкастером, изменила делу Франции и держала сторону англичан *). По договору, заключенному в городе Труа, французским королем был признан ребенок, сын Ланкастера и французской принцессы. Но прямым наследником Карла VI был Карл VII,

*) Общественное мнение XV века возлагало на нее ответственность за все бедствия, утверждал, что „женщина погубила Францию“. Хотя же пророчество таинственно прибавляло: „Но Дева ее спасет“.

вынужденный в течение первых лет отступать перед врагом. Он не мог получить помазания и потому именовался не королем, а „дофином“. Огромная северная часть Франции до самой реки Луары с Парижем занята была англичанами; и их власть, вместо малолетнего Генриха VI-го (тоже не успевшего короноваться), представлял герцог Бедфорд. Над важным центром Франции, городом Орлеаном, была затянута петля. Уже много месяцев выдерживал он осаду англичан, утвердившихся с севера и юга в двенадцати укреплениях — „бастилиях“. Южные области были еще свободны от неприятеля и большую часть держали сторону династии Валуа и „орлеанской партии“. В качестве виднейшего политического и военного вождя здесь выдвинулся граф области Арманьяк. Имя „арманьяков“ стало именем набравшихся графом воинственных плаек, а потом и всех сторонников орлеанской партии. Своим поведением и способами войны арманьяки не делали чести тому делу, которое защищали. Они держали в страхе не столько англичан, сколько мирное население собственной страны. — Наследник престола не мог набрать сколько-нибудь значительной и послушной армии. Даже самые преданные начали сомневаться в деле французской династии, а немногочисленные патриоты — в деле отчины. Франции, казалось, уже не существовало.

Некоторые историки утверждают, что как ни грозно, повидимому, было положение, на самом деле силы англичан были истощены, власть их на севере была поверхностной, и их изгнание было неизбежно. Нам трудно судить, как сложились бы события, не явись в рядах войск в эти годы Орлеанская Дева. Во всяком случае, вмешательство Жанны д'Арк, простой крестьянской девушки, то одушевление, какое она внесла в войско, заметно повернули военное счастье в пользу Франции. Полтора последних десятилетия войны, следовавшие за этим вмешательством, были уже историей постепенного вытеснения врага с французской земли. Значение удивительной девушки в кошмаре Столетней войны так огромно, как только может быть значение отдельной личности в вихре таких сложных событий. Историк неподражаемо изобразил все величие, все своеобразие той, кого прозвали Девой Орлеанской.

Личное участие Жанны в военных событиях ее времени было кратко. Через 16 месяцев после своего появления она была схвачена в одной стычке, передана бургундцам и, наконец, англичанам, судима, как колдунья и еретичка в Руане, и сожжена на костре. „Покинутая королем и народом, которых она спасла . . . Жанна страшной дорогой пламени вернулась в лоно Бога“ *).

*) См. ниже, введение автора.

Но ее историческое существование не закончилось руанским костром. Двадцать лет спустя, когда англичане изгнаны были из Франции, Карл VII велел подвергнуть пересмотру руанский процесс, и память Жанны была очищена от обвинений, возведенных на нее первыми судьями. В городе Орлеане, освобожденном ею от осады, установлен местный праздник в ее честь. В дальнейшем отношение к ее личности менялось. Революционная Франция XVIII-го века была враждебна памяти деятельницы, связанной с культом церкви и монархии. В XIX веке официальные симпатии к эпохе восстановления королевской власти и влияния католической церкви во Франции возвращались к легенде Жанны. В 1912 году — предполагаемый юбилей ее рождения, — с одобрения папы, состоялось причисление ее к лику святых.

Независимо от этих приливов и отливов интереса к Жанне, вызванных изменениями политических пристрастий, историческая наука внимательно разбиралась в материале, оставшемся от ее эпохи, правильнее устанавливала действительное значение Орлеанской Девы. В течение XIX и начала XX века появилось много изданий материалов и несколько историй Орлеанской Девы *), где все заметнее — стре-

*) См. „Библиографию“ в конце книги.

мление судить пастушку из Домреми не с точки зрения современных пристрастий, но как деятельницу ее времени, а вместе с тем, — считаясь с особенностями, которыми наделило ее время, — оценить лично ей присущую силу и своеобразие. Из длинного ряда посвященных ей сочинений наиболее новым и обстоятельным является вышедшая в 1903 г. книга Анатоля Франса. Но и после ее появления самой цельной и живой остается сжатая история Орлеанской Девы, написанная в 40-х годах Жюлем Мишле.

II.

Кто вчитывался в сказания о Жанне д'Арк, и кому несколько знаком душевный мир автора книги об Орлеанской Деве, тот поймет, что именно Жюль Мишле должен был написать историю Жанны.

Потому что, как и она, он был человеком из народа и, как король гордится своею короной, гордился своею кровною связью с ним. Потому еще, что, подобно ей, он имел сердце, переполненное любовью, которое сочувственно загоралось от соприкосновения со всем живым в природе и истории: горною вершиною, волною морского прибоя, дубом в зеленом лесу, людским трудом, страданием и подвигом. В своих сочинениях: „Гора“, „Море“, „Насекомое“

„Яйцо“, „Птица“ и в других, посвященных человеческому миру, которые называются „Библия человечества“, „Народ“, „Любовь“, „Женщина“, наконец, в огромнейшем своем труде — 23-х томах „Истории Франции“, он искал чудную, вечно притягательную для него тайну жизни. Сама История — „воскрешение прошлого“ — была для него подвигом раскрепощения жизни: она призывала к жизни умерших и обогащала бытие живых этой воскрешенною жизнью. Образ Жанны должен был привлечь Мишле потому, что в пламени его безмерной вселенской и человеческой любви самый глубокий жар его сердца сосредоточивался около образа родной земли, Франции. У обоих сознание и жалость направлялись в особенности на тех, кто в ней трудился и страдал, кто был прост и нежен сердцем: ее пахарей, женщин и детей. Мишле должен был написать историю Жанны еще потому, что, как и она, он был в лучшем смысле слова религиозным человеком. Правда, как и для нее, пути его душевной веры разошлись с властной, „воинствующею“ церковью его времени. Но он верил в Бога, источник вечной правды, в бессмертие; и жизнь вселенной и истории представлялась ему полной религиозного смысла. „В конце нечального земного мира я вижу освобождение в смерти, ясную жизнь и светлую надежду. И без человеческого посредника моя вера была верой силь-

ной, живой и свободной. Она сливалась с жизнью и путалась всем, что встречала на своем пути святого и нежного, в искусстве, или поэзии, которые напрасно считают чуждыми религии“.

Можно сказать больше. Пускай для Мишле уже не имели того значения, как для Жанны, „сказания о святых и ангелах, о розах райского сада“, какие Жанна носила в сердце, впитав их „в вечные сумерки с голоса матери“. Для него был жив и дорог голос „старой матери“, народной престодушной веры, и в истории „он бережно подбирал мечты и вздохи человечества“, тоскующего по мирам иным.

Мы сказали, что он принадлежал народу. В минуты под'ема он торжественно говорил о себе: „Я — народ“. И так как в его представлении это прежде всего означало „труженик“, то Мишле прежде всего заявил свои права на это имя.

„Настоящее имя современного человека — работник. И я заслужил его вдвойне“. Выдающийся историк и замечательный писатель, он в отроческие годы был наборщиком в бедной типографии своего отца „прежде чем начать сочинять книги, — „набирал“ их, „собирал буквы, прежде чем начать собирать мысли“. Ему не чужды были „глубокая грусть мастерской, скука долгих часов“ однообразной работы. Полно сумрачных теней и внезапного света воспоминание об одном утре 1814 года. Семья сидела без хлеба и без огня. Вокруг все было покрыто

снегом. У ворот Парижа стоял неприятель. Казалось, наступал конец всего. Но юность брала свое. „Рукой, сведенною от холода, я ударил по дубовому своему столу и с внезапным приливом радости почувствовал молодость, почувствовал будущее“.

Путем огромных жертв родителям удалось снять с талантливого мальчика бремя черного труда и устроить его в школу. Отрванный от постоянного общения с массой физических тружеников годами напряженного учения и потом годами учительства и профессорства (он вскоре получил кафедру философии и истории в Парижском университете), Мишле при первой возможности вновь искал этого общения с народом, в особенности сельским. К нему более всего влекли его душевные склонности: любовь к природе, к духовной полноте и простоте, к нерастратенному „скровищу народного чувства“; оно всю жизнь грело его сердце. Наоборот, из гостинных он всегда выходил „с сжавшейся и похолодевшей душой“. Вместе с тем мысль о тяжелых условиях жизни, из которых его вывели образование и талант, но в которых остались его братья, дети бедного французского народа, мучила его, как угрызение совести.

„Тебе тепло, когда другим холодно... это несправедливо... Как утешиться в подобной несправедливости? Но другая мысль успокаивает и на-

ОТДЕЛ АВТОГРАФОВ

полняет сознанием своего права на научный труд. „Если бы ты остался с народом, ты не мог бы работать для него“. Он останавливается на убеждении, которое, отвечая властной внутренней потребности, удовлетворяет его чуткую совесть: долг народу будет уплачен, если он даст ему его историю.

Он убежден был, что в свое создание вложит силу, какая не дана была историкам, вышедшим из иных кругов. То была укрепляющая горечь жизни трудовой и суровой и мощь любви. Он отождествлял их со своею плебейскою кровью, приписывал их источник подземным ключам народной почвы, которая взлелеяла его душу. „Я рос, точно трава между камнями мостовой, но трава сохранила свои корни, как зелень альпийских лугов“. В своей судьбе, дитяти „народа“, проникшем в мир высшей культуры, Мишле видел образ „восхождения народа“. И невольно вспоминались ему, историку, те далекие времена, когда в одряхлевший мир римской культуры проникали варварские племена, отесняя ее носителей, становясь на их места, „Пусть мы — варвары. Мы полны молодых сил, живых, несущих обновление. Вышние классы владеют светом знания; у нас больше жизненного тепла“. И трудно сказать, что сильнее у Мишле: радость об этой молодости „восходящего народа“ или почтение к тому свету культуры, к которой он прежде всего в

ПОГАШЕНО

его лице—приобщался. Сочетать то и другое, слить в гармонии свет, накопленный „наверху“ долгими годами уметвенной работы, с жаром народной души, такова, по его мнению, достойная цель социальных усилий.

Пламенный „народник“, Мишле никогда не мог стать социалистом, в особенности, в смысле учения Маркса; которое тогда начинало распространяться. Не мог по многим причинам. Хотя городской рабочий по происхождению, он в сознательные годы глубоко вошел в душевный мир крестьянина и всегда стоял за необходимость личной и даже наследственной собственности пахаря на землю. „У нас во Франции найдем не одну область, где человек, пахарь, в буквальном смысле создал землю. Взгляните на сожженные солнцем утесы, на голые скалы французского юга. Чем была бы здесь земля без человека? Она создана той неутомимой рукой, которая изо дня в день разбивает камень и смешивает его щебень с удобрением. В течение веков поколение за поколением влагает в нее пот живых, кости мертвых, свои сбережения, свою пищу! Земля, которой человек отдает лучшее самого себя—очеловечивается для него; он начинает любить ее, как живое существо“.

„Хотите ли узнать тайную страсть французского крестьянина? Пойдемте в деревню в воскресный день. Перед нами крестьянин... Два

часа дня... Жена его отправилась к вечерне. Сам он направляется куда-то в праздничном платье. Ручаюсь, что он идет к своей возлюбленной. Это—его нива. Скрестив руки, он глядит на нее, глядит долго, полный заботы. Заметив, что за ним следят, он уходит, бросая на землю последний взгляд. Кто умеет читать в нем, поймет, что в него вложена вся страсть, вся сила сердца, набожное почитание... Земля пуждается в любви, чтобы родить. Иначе она ничего не даст, эта бедная французская земля. Она приносит плод только потому, что любима“.

„Земля Франции принадлежит 15-20 миллионам крестьян, которые ее обрабатывают. В других государствах, например, Англии,—двум-трем десяткам тысяч людей, которые заставляют других ее обрабатывать“. Там говорят о родине: „страна“. Только во Франции ей дают имя о т ч и з н ы. Между человеком и землей здесь заключен законный брак на жизнь и на смерть. Француз навеки обвенчан с Францией“.

Мысль о нерасторжимом браке народа с его землей была другой причиной того, что Мишле не мог проникнуться учениями социализма в указанном выше значении. Веря в глубокое, почти священное единство каждого народа, он думал о человечестве, как братстве народов, но чуждался мысли о борьбе классов внутри живого, каким оно ощущалось ему, тела нации и о соединении пролетариев всех стран. Патри-

отизм и любовь между детьми одного народа были второй заповедью его закона. Для Мишле, постоянного странника по „сырым и однообразным улицам промышленных кварталов Парижа, Руана и Нанта, по темным и глубоким коридорам лионских улиц“, по обездоленным сельским углам родной земли, не скрыта была мрачная действительность социальной несправедливости. Но его детское, безмерно нежное сердце не могло искать ее исцеления в углублении противоречий, в лозунге беспощадной классовой войны. Он жил и умер с верою в неодолимую силу любви и добровольной жертвы, всю жизнь призывая общественные группы к единению, веря, что взаимное понимание неизбежно наступит, что придет час, когда в итоге подвига любви не будет „двух народов на одной земле, но—единая нация, единая отчизна, единая Франция“. Только через любовь к родине,—утверждал Мишле,—научался человек любить человечество. Она была „посвящением во всемирную отчизну“. И если это верно для сына всякого народа, тем справедливее—для француза. Как много раз в своей истории Франция являлась „носителем свободы, апостолом братства“. Разве не провозгласила она первый закон этого братства и свободы, вместе с законом равенства, в эпоху Великой Революции? Разве не разнесла, этот закон по всей Европе геройская армия Наполеона? „Француз-

ская кровь лилась в эту войну за свободу всего мира“. И в виду тех жертв, которые принес ради нее народ-герой, его историк считал себя вправе сказать: „Я тем больше человек, чем больше—француз“:

Мне сердце пламенное родина дала,
Чей жар в ее пределы не вместится...

Но любовь этого пламенного сердца не только раздвигала пределы отчизны, чтобы обнять все живое человечество; она стремилась раздвинуть пределы времени, чтобы обнять прошлое и будущее. Именно из этой безмерной любви вытекали все задушевные мысли и склонности Мишле. Он верил в бессмертные больше всего потому, что не мог примириться с перерывом стремящегося вперед потока любви и исчезновением ее носителя—человеческой души. Он относился с нежной симпатией к детям, как к будущему человечества, и глубоко любил в мертвых—его прошлое. „Первым он говорил, вторых слушал“. И так как он любил будущее и хотел воздействовать на него, он стал учителем. И так как он любил прошлое и хотел воссоздать его, он стал историком. История стала для него второю жизнью, где под дыханием его таланта, „точно дуновения божьих уст в видении Пезекилия“, оживали мертвые кости. Спускаясь бесстрашно в царство гробов,

Мишле не боялся,—как выражался он сам,— „захапнуть в нем, заразиться его смертной бледностью“. Чарами своего воображения он создавал поток сочувственной симпатии между своим веком и минувшими веками. Силой переполнявшей его жизни и любви („как историк, говорит он, я имел перед своими предшественниками только одну мне лично принадлежащую заслугу: они были блестящи, рассудительны, глубокомысленны... я больше любил“) — он будил уснувшие человеческие миры; и они начинали звучать ему в ответ тысячьо голосов, отдавая сторицею пламень жизни, потраченный на то, чтобы их согреть. Прошлое и его биограф сливались. Оживотворенная им, история животворила историка. Пусть говорил он о себе: „Я очень стар. Я жил с историей тысячелетий“. История не старила его. Она была для него одной из тех „книг действия“, „библий труда“, которыми он, во имя пробуждения народного духа, мечтал наполнить свой век. Приникая к ней, он искал в ней источник молодости. Потому что, несмотря на кривизны пути, страдания, отступления, черные века неподвижности и сумерек, он слышал в них непрерывный шорох движения к какой-то высокой человеческой и божественной цели. Он слышал и чувствовал, как царство свободы осуществляется в ней свое торжество над царством рока, раздвигая вокруг себя границы гнетущей необходимости; как мир косно, степой мате-

рии уступает победному шествию духа, и человек все больше проявляется, как „свой собственный Прометей“. В этом смысле прошлое было для него колыбелью грядущего, история представлялась нивой, несущей в лоне своем будущий урожай, „кладбище—предверие храма“.

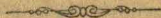
Истории Мишле отдал всю жизнь. Из этой многотомной им написанной книги, более двадцати томов посвящены истории Франции. Но в „кладбище прошлого, одной из самых дорогих покойниц, особенно достойных воскрешения, была для него пастушка из Домреми. Та простая и мужественная девушка, которая „приняв за веления неба голос собственного сердца, загорелась невозможною, повидимому, мыслью сласти свою родину“. Она осуществила эту „невозможную“ мысль, а затем, покинутая теми, для кого пошла на подвиг, была обвинена в ереси и сожжена. „Но с высоты костра она отстояла права свободной совести, власть внутреннего голоса“.

„Идеал, созданный человеком, не приблизился ты, утверждает Мишле, к этой жизненной правде“. Понятно, что с особенной верой в ее бессмертие, своим проникновением историка и талантом художника, Мишле воскрешает из ее исторической могилы фигуру Жанны, чтобы поставить ее в святая святых своего храма отчизны, человечности, свободы и любви.

И когда читатель перевернет последнюю

страницу его книги об Орлеанской Деве, он согласится, что именно Жюль Мишле должен был написать историю Жанны.

О. Добиаш-Рождественская.

ВВЕДЕНИЕ АВТОРА.

Мне случайно пришлось зайти к одному человеку, который на своем веку много пережил, потруился и перестрадал. Я застал его с книгой в руках, которую он только что закрыл. Казалось, он погружен был в грезы. К удивлению, я заметил, что глаза его были полны слез. Наконец, он словно очнулся. «Значит, она умерла», сказал он.—«Кто?»—«Бедная Жанна д'Арк»...

Такова сила сказания. В нем великая власть над сердцем и источник слез. В нескладном ли рассказе или красивом изложении, перед впечатлительностью юноши или старца, умудренного опытом или ожесточенного жизнью, старая история проходит, трогая и заставляя плакать. Человеку не следует краснеть за эти человеческие слезы. Мотив их прекрасен. Более высоким волнением тронет он доброе и глубокое сердце, нежели личный траур, эгоистическое переживание горя.

Идея правды, веры, отчизны имела своих мучеников. История видела самоотверженное му-

жество героев, страдальческий подвиг святых. Мир восхищался ими, Церковь им молилась. Со всем иное в нашем случае: ни канонизации, ни культа*), ни алтаря. Мы видим не молитвы Жанне, но слезы о ее судьбе.

Вот сущность старой истории.

Двенадцатилетняя девочка-дитя, считая голосами неба внушения собственного сердца, загорелась мыслью, странною, невозможною, если угодно,—нелепою, осуществление которой было не по силам и взрослым, и мужественным; мыслью о спасении своей страны. Шесть долгих лет она лелеет свой замысел, не поверяя его никому, не открывая его ни матери, ни духовнику. Без поддержки родных или священников идет она по своему пути наедине с Богом в тиши своего замысла. Она ждет, когда ей минет восемнадцать лет и тогда она выполнит свой замысел непоколебимо, вопреки воле родных, вопреки целому миру. Через разоренную, опустошенную Францию, по дорогам, кишачим разбойниками, она направляется ко двору Карла VII, заставляет признать себя при этом дворе, вмешивается в войну. Ее ничто не изумляет ни в жизни лагерей, которой она никогда не ви-

*) „Канонизация“—причисление к лику святых. „Культа“—церковное почитание, служение.

дала, ни в сражениях и битвах. Бестрепетно она вступает в лес мечей. Ее можно ранить, но не устрашить. Она ободряет старых солдат, увлекает за собою народ; он становится воином вместе с нею... и никто не решается проявить страх. Этим все было спасено. Бедная, святая и чистая девушка, на чьем нежном, хрупком теле притулился вражеский меч и сломалось вражеское копье, своею грудью прикрыла Францию.

А награда была такая. Коварно преданная своими, оскорбляемая грубостью явных врагов, искушаемая фарисейством скрытых, тщетно пытавшихся поймать ее на словах, она устояла против всего и в последней борьбе внезапно вырастает, превосходя самое себя, чтобы раскрыться в словах, которые вечно будут заставлять плакать...

Покинутая королем и народом, которых она спасла, Жанна страшной дорогой пламени восходит в лоно Бога и на высоте эшафота утверждает навсегда право совести, закон внутреннего голоса: никогда идеал, придуманный человеком, не поднимался до высоты этой жизненной правды.

Перед нами не учитель, не мудрец, искушенный жизнью. Не мученик, сильный своими убеждениями, принимает смерть за них. Перед нами девушка-дитя, у которой нет иной силы, кроме силы сердца.

Перед нами не принятая с покорностью жертва, не пассивная смерть. Это свободный подвиг, задуманный и взлелеянный в течение долгих лет. Это активная, геройская смерть: — принимаемая добровольно от раны к ране, через мучи, не отнимающие отдачи, к ужасному костру.

Наконец, следует отметить ту удивительную, единственную в своем роде черту, перед которой бледнеет все остальное, — ее возвышенное, святое неведение, которое и в последнем испытании заставляет умолкнуть науку и делает безмолвными учителей. Истинно «ведущие», мудрые сердцем перед этим зрелищем не будут говорить с Моисеем: «Господь прошел, я видел его славу». Они скажут: «Он здесь! Это сияние — это Божий взор!»

Чудо это могло бы смутить. И мы не знали бы его источника, если бы Жанна сама его не открыла.

Когда ее спросили, как она, простая, юная девушка, не знаящая много дела, кроме шитья и пряжи для своей матери, могла решиться, вопреки велениям Церкви, принять мужественный облик? Что могло принудить ее, робкую и застенчивую, говорить с солдатами, вести их, командовать ими, наказывать, посылать в сражения?

Она ответила одно:

«Жалостная судьба французского королевства».

О, трогательная тайна женщины! Жалость была так велика, что заглушила в Жанне жалость к самой себе и побудила ее к высшему усилию жертвы собственной природой. Великая душевная нежность и способность страдать от чужой боли сделали ее неуязвимой к своей собственной.

Мы лучше пойдем все это, если спустимся с высот, на которые поднимает нас ее легенда, в темную и уродливую эпоху и присмотримся на минуту к тому низкому миру, из которого встает необычайное явление. Только даст ли эта минута представление о безнадежном кошмаре длительной войны, без конца, без смысла и идеи?

Мы точно испытываем чувство внезапного падения, переходя от благородных историков XIV века к грубому и невежественному хроникеру*), открываемому XV век, — так называемому «Парижскому горожанину» (*Bourgeois de Paris*). Мы вступаем в мир тяжеловесной материальности, в низменный мир, который способен сильно чувствовать только одно: голод. Наш унылый хроникер озабочен только ценами на припасы и вопросом о том, чем наполнить желудок. Хлеб дорог, овощи исчезли, виноградники вымерзли. Житница Франции, Шартрская равнина, превратилась в лес. Нищета, эпидемии убили

*) Хроникер — полустовитель-историк.

сто тысяч жителей Парижа. Ночью их приходят заменить иные обитатели, нагие, осмелевшие волны. В длинные зимние ночи среди их завываний слышатся злоешие крики умирающих: «Умираю от голода! Замерзаю!» Десятки детей без крова, без помощи, лишенные родных, ютятся у заборов; брошенные среди нечистот ищут себе пропитания в грязи, среди отбросов.

Осужденный мир!

Пахарь, разоренный до тла, бросает жену, детей на голод и верную смерть, покидает родные места, уходит в леса, становится разбойником, признавая своим вождем и властителем дьявола, единственного несомненного царя этой отверженной земли.

Но где же Бог? И в мире мертвых умерла ли и жалость?

Она жила в сердце женщины.

Вся глубина этого сердца в наивных и полных значения словах:

«Жалостная судьба французского королевства»...

«Когда бы ни пришлось мне видеть французскую кровь, у меня волосы вставали дыбом».

Однажды, не извещенная о происшедшем сражении, Жанна восклицает: «Злые! Вы хотели скрыть от меня, что пролилась французская кровь!»

Франция! Впервые произнесено это в сердце проникающее слово. Впервые Францию любят, как личность. И она становится ею с тех пор, как любима.

До сих пор она была соединением отдельных областей, хаосом феодальных миров, огромной страной без определенности, без лица. Отныне, об'единенная силою сердца, она стала отчизною.

Великая, трогательная, прекрасная тайна! Безмерная чистая любовь юного сердца зажгла целый мир, вдохнула в него новую жизнь, ту настоящую жизнь, которую дает только любовь.

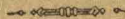
Ребенком она, как говорят ее современники, любила все и всех: животных, птиц,—они прилетали клевать из ее рук; любила друзей, родных, но особенно бедняков...

Но бедной из бедняков, самой жалкой и самой достойной жалости была в это время Франция. Жанна любила ее. И тронутая этой любовью, Франция сама начинает любить себя.

Это заметно с первого дня, как Жанна является под Орлеаном. Народ забывает об опасности; впервые открывшийся ему возвышающий образ отчизны захватывает и подымает его. Смело выходит он из-за городской ограды, разверты-

вает знамя и проходит перед глазами англичан, не смеющих выступить из укреплений.

Мы, французы, всегда должны помнить, что наша отчизна родилась в сердце женщины; она родилась из ее нежности, слез и крови, которую она отдала за нас.

Глава I.

Детство Жанны и ее призвание.

Своеобразная фигура Жанны д'Арк^{*)} выделяется из толпы энтузиастов^{*)}, в темные века увлекавших за собой народные массы; их власть была основана на заразной силе заблуждения; она же, наоборот, влияла живым светом, брошенным во тьму, особенной силой здравого смысла и доброго сердца.

Она рассекла узел, который не могли распутать ни политики, ни неверующие. Она заявила именем Бога, что Карл VII—наследник престола, и укрепила в нем уверенность в его праве, в котором он сам сомневался; она освятила это право, приведя своего короля прямо в Реймс, и сыграла у англичан в пользу французской династии важное преимущество осуществленного таинства венчания.

Нередко бывало в истории, что женщины бра-

^{*)} Энтузиаст — вдохновенный, восторженный человек. Сильное состояние восторженности, обыкновенно, отличает святых, пророков, выдающихся героев. В него легко впадают неуравновешенные, нервные натуры: отроки, женщины. Здесь Мишле скорее имеет в виду „энтузиаста“ в этом втором смысле.

лись за оружие: они не раз защищали осажденные города *); например, тридцать женщин, раненых у Амьена, Жанна Анеет и др. В годы Орлеанской Девы чешские женщины бились наравне с мужчинами в гусситских войнах **).

Но также не в «видениях», повторяем, крылось своеобразие Жанны д'Арк. У кого их не было в средние века? Страдания особенно возбуждали народный дух, даже в прозаический XV век. В Париже брат Ришар так волнует народ своими проповедями, что англичане изгоняют его из города; тысячные толпы слушают бретонского кармелита ***) Конекту в Куртрэ и Аррасе.

В продолжение нескольких лет, до и после Жанны д'Арк, все провинции имели своих святых. Здесь мы видим бретонку Пьеретту, беседующую с Христом, Марию Авиньонскую, Екатерину ла-Рошельскую; там мальчика-пастуха, которого вождь Сентрайль приводит из деревни,

*) Подобные примеры бесчисленны; укажем хотя бы на двух знатных дам (сэйвер) Далека (1453, 1581). Одна из них защитила Турнэ от самого знаменитого полководца XVI века князя Пармского. (Примеч. Мишле).

**) „Они вооружали женщин, точно дьяволов, полных жестокости, и многие из них падали мертвыми, убитые в стычках“. (Современный хроникер). (Примеч. Мишле).

Иоани Гус—чешский проповедник, борющийся с заблуждениями католической церкви и за это сожженный дьявом на костре (1415 год).

***) Монах из братства кармелитов, получивший имя от горы Кармель, где, по преданию, уединялся пророк Илия и где основан был первый скит братства.

со стигматами *) на руках и ногах, кровоточащими в святые дни, подобно тому, как то произошло в наши дни у одной тирольской святой.

Казалось бы, Лотарингия—одна из последних в ряду французских провинций, где могли наблюдаться подобные явления. Лотарингцы храбрые бойцы, но по природе шутники и хитрецы. Не видениями движимый, оказал великий Гиз важные услуги Франции, которые кончил тем, что произвел в ней смуту. Два лотарингца участвовали в осаде Орлеана и оба отличались веселым характером своего остроумного соотечественника, веселого гравера Калло. Один из них, канонир Жак, отлично умевший притворяться мертвым, другой—рыцарь, который в полном вооружении был захвачен в плен англичанами, а после их отхода вернулся верхом на английском монахе. Горная Лотарингия Вожей **) отличается, правда, более строгим характером. Эта возвышенная часть Франции, откуда со всех склонов текут реки во все моря, была покрыта огромными лесами, которые государи-Каролинги ***)

*) Стигматы—язвы, появляющиеся на теле особенно первых и впечатлительных людей под влиянием религиозного возбуждения. Стигматы напоминают язвы на теле Спасителя на местах, где были гвозди при распятии Иисуса Христа.

**) Немцы называют этот хребет Вогезами.

***) „Каролинги“—имя династии, которая царствовала во Франции, а также части нынешней Германии и Италии, в VIII—X веках и получила имя от первого своего предателя, Карла Великого.

считали особенно достойными для своих императорских охот. Там на лесных полянах возвышались чтимые обители Люксей и Ремиремон; настоятельница последнего была царственная особа «Священной Империи», окруженная палатинами и целым феодальным двором и требовавшая от своего сенешала *), чтобы он носил перед ней обнаженный меч. Вассалом этого женского царства долгое время был герцог Лотарингский.

Как раз на границе между горной и низменной Лотарингией, между Лотарингией и Шампанью, родилась в Домреми прекрасная и отважная девушка, которой суждено было так хорошо действовать французским мечом.

Есть четыре деревни, носящие имя Домреми на протяжении 10 миль вдоль реки Мёзы: три в Тульском епископстве, одна в Лангрском. По всей вероятности, все эти поселения в более раннюю эпоху были во владении обители св. Ремигия Реймского **). Французские большие мо-

*) Священной называли в средние века Германскую Империю.

Палатинами назывались лица, принадлежавшие к «палатце» — двору Государя.

*) Сенешал — высший придворный чин.

**) В виду того, что Жанна родилась в старинном феоде св. Ремигия (по преданию, помазанного первого короля франков, Хлодвеха), становится понятным, почему мысль о Реймсе и идея коронования охотоборали ее миссию. До венчания она всегда называла Карла VII лодиною. Диплом 1490 г. считает Домреми среди владений монастыря. (Примеч. Мишле).

настири во времена Каролингов имели, как известно, еще более отдаленные владения, даже в Провансе, Германии и Англии.

Эта полоса земли по Мёзе составляла так называемую «Марку» *) Лотарингии и Шампани, которая всегда являлась спорной областью между французским королем и герцогом Лотарингии.

Отец Жанны, Жак д'Арк, был добрым шампанцем, и Жанна, несомненно, была похожа на него; в ней не было лотарингской суровости; наоборот, она скорее отличалась мягкостью шампанцев и той наивностью, смешанной с чуткостью и тонким умом, которою обладал славный шампанский хроникер Жуанвиль.

Родись Жанна за несколько веков до своего времени, — она была бы крепостной обители св. Ремигия; одним веком раньше она родилась бы крепостной сира Жуанвиля. Он являлся «сеньером» (господином) городка Вокулера, к которому тяготела деревня Домреми. Но в 1335 году король заставил род Жуанвилей отдать ему Вокулер **). Тогда там скрещивалось

*) Марками назывались большие пограничные области, подчиненные особому управлению. Реку Мёзу немцы называют «Маас».

**) В 1335 г. Карл V нераздельно присоединил его к королевским владениям. В Шампани, близ Вокулера еще до сир пор можно видеть большие камни, положенные, по приказанию германского императора Альберта и французского короля Филиппа Красного, для определения границ их государств. (Примеч. Мишле).

несколько путей: шла главная дорога из Шампани в Лотарингию; лежал прямой путь в Германию, а также к берегам Мёзы. Здесь же была граница политических групп: около Домреми находилась последняя деревня бургундской стороны, все же остальные тяготели к Карлу VII.

«Марка» Лотарингии и Шампани постоянно жестоко страдала от войн; сначала от продолжительной войны запада с востоком: короля с герцогом, за обладание Нёшато и соседними землями; затем от борьбы севера с югом: партии бургундцев с арманьяками. Воспоминание об этих беспощадных войнах было неизгладимо. Еще не так давно показывали около Нёшато старое дерево с зловещим названием, «дуб партизанов»; нет сомнения, что ветви его нередко гнулись под тяжестью «человеческих плодов».

Бедные обитатели «марки» имели честь быть непосредственными подданными короля; это означало, что в действительности они никому не принадлежали, ни на кого не могли опереться, и никто о них не заботился; что у них не было иного сеньера и покровителя, кроме Господа Бога.

Народ в таких условиях становится особенно вдумчивым; он знает, что ему нельзя рассчитывать ни на целостность имущества, ни на безопасность жизни. Он пахнет, а жатву собирает солдат. Нигде пахарь не озабочен до такой степени

тем, что происходит в стране, нигде не может в такой мере им интересоваться. На нем отражаются все удары событий; он старается обо всем разузнать, чтобы иметь возможность предвидеть; вместе с тем он ко всему, что бы ни случилось, готов, терпелив и мужествен. Даже женщины становятся отважными; при условии жизни среди солдат это было необходимо, если не для спасения жизни, то для сохранения чести. Такую женщину изобразил Гёте в прекрасной и сильной своей Доротее.

Жанна была третьей дочерью пахаря *) Жанна Дарк (иначе д'Арк) и Изабеллы, по прозвищу Роме **); у нее было две крестных матери, из которых одна звалась Жанной, а другая—Сивиллой.

Сыновья Дарк носили апостольские имена: старший—Иакова (Жак), второй—Петра (Пьер). Набожные родители дали одной из дочерей еще более одухотворенное имя,—св. апостола Иоанна ***) (Жанна).

*) Доныне еще на дверях хижины, где жила Жанна, виднеются три герба: герб короля Людовика XI давшего приказ об украшении хижины; герб, данный одному из братьев Девы, с именем Лилли, и герб, носящий изображение звезды, вместе с тремя сошниками пуга; символ высокой миссии Девы и скромного происхождения ее родителей. (Примеч. Мишле).

**) Прозвище Romée (римлянка) принимали женщины, совершившие паломничество в Рим.

***) Много знаменитых людей Средневековья носили это имя: Иоанн Парижский, которого считали автором книги о

Пока другие дети работали с отцом в поле и стерегли стада, мать сажала Жанну подле себя за шитье и пряжу. Она не выучилась ни читать, ни писать, зато запомнила все, что знала ее мать о божественном *). Она усвоила веру не как урок, не как обряд, но в простонародной и наивной форме чудесной сказки, рассказанной в часы сумерек, усвоила ее с голоса материнской веры... Что всасывается таким образом с кровью и молоком,—живо, как сама жизнь.

Трогательное показание о набожности Жанны дала ее детская приятельница и ближайший друг Овиетта (она была на три-четыре года моложе Жанны). «Не раз гостила я,—говорит Овиетта,—в доме ее отца и, по дружбе, спала с нею. Она была добрая девочка, простая и кроткая...

Вечном Евангелии"; Иоанн Фиделла—св. Бонаventura; французский религиозный философ Иоанн Жерсон, английский—Иоанн Оккам, чешский—Иоанн Гус и швейцарский—Иоанн Кальвин. Имя это указывает на известные мистические наклонности в семьях, которые давали его своим детям. Выбор имени имеет важное значение во все религиозные эпохи; это в особенности верно для средневековых христиан, которые ставили ребенка под покровительство святого. В своей „Истории Франции“ я имел случай говорить о значении имени Иоанна и противоположности имен Иоанна и Иакова. (Примеч. Мишле).

*) Когда спросили ее: училась ли она какому-нибудь мастерству или ремеслу, она сказала, что мать выучила ее шить. И навряд ли есть женщина в Руане, которая могла бы превзойти ее в искусстве шитья... Она не ходила в поле стересть овец и иной скот... Когда она выросла и вошла в повиновение, она не пасла скота. А в раннем детстве пасла или нет, не помнит... (Пропес Жанны д'Арк. Допрос 22 и 24 февр. 1431 г.) „Никто кроме матери, не учил ее вере“. (Примеч. Мишле).

Любила ходить в церковь и посещала святые места; подобно другим девочкам, пряла, занималась хозяйством... Жанна часто исповедывалась... Всегда краснела, когда ее называли слишком набожной и замечали, что она чересчур много ходит в церковь...» Один крестьянин, вызванный в свидетели, прибавляет, что она ходила за больными, помогала бедным: «Об этом я хорошо знаю. Когда я был ребенком, она ходила за мною».

Все знали ее доброту и набожность, все понимали, что это лучшая девушка в деревне. Не угадали в ней одного: что высшая духовная жизнь поглощала в ней физическую и задерживала ее естественное развитие. Ей дан был божественный дар остаться душевно и телесно дитятей. Родившаяся у церковных стен, ублаженная звоном колоколов, вскормленная легендами, она сама была легендой, чистой и мимолетной, от рождения и до смерти.

Она была живой легендой... Но сила жизни, сосредоточенная и возбужденная экзальтацией *), становится от этого не менее творческой. Бессознательно молодая девушка творила и во-

*) Легенда—сказание или сказка, во всяком случае нечто, созданное воображением, мечтой. Называя далее Жанну „живой легендой“, автор хочет сказать, что ее образ и ее судьба больше похожи на мечту, чем на действительность. Экзальтация,—возбуждение.

площала свои собственные грезы. Она создавала из них живые существа; из сокровищницы своей девственной жизни наполняла их сверкающею и мощною жизнью, перед которою бледнела жалкая действительность земного мира.

Если поэзия означает творчество, — здесь перед нами высшая поэзия. Интересно наблюдать, от какого скромного начала и какими ступенями она поднялась до такой высоты. Скромного, но полного красоты.

Деревня Жанны находилась в двух шагах от дремучих лесов, покрывающих склоны Вожей. С порога отцовского дома она видела их вековые дубравы. Их населяли феи. Они особенно любили фонтан около огромного бука, который назывался деревом «дам» — фей *). Дети вешали на него венки, собирались петь под ним. Древние феи, владычицы лесов, не смели больше собираться у фонтана. За грехи они были от него отлучены. Но Церковь, недоверчиво относясь к старым местным богам, тем самым как бы подтверждала их существование. Священник ежегодно являлся изгонять их обедней.

Жанна родилась среди этих легенд, в мире народных грез. Но рядом с поэзией природы, страна питала душу другой, суровой, дикой и

*) Феи — волшебные существа, богини судьбы. Вера в феи — пережиток язычества.

более реальной, — увы, — поэзией, поэзией войны. Война!.. Как много ощущений дрожит в этом слове! Если не каждый день атака и грабеж, то неприятное их ожидание, набат, внезапное, тревожное пробуждение, а в дали равнины — мрачное зарево пожара. Состояние, полное ужаса, но и поэзии. Самые презабавные из людей, шотландцы *) долин, стали поэтами среди превратностей пограничной жизни. Из зловещей земли пустыни, которая и теперь производит впечатление проклятой, расцвели дикие и живые цветы баллад.

Жизнь Жанны была захвачена романтическими приключениями. В деревню являлись беглецы. Жанна помогала принимать их. С свойственной ей добротой она уступала им свою постель, а сама шла спать на чердак. Один раз пришлось бежать также ее родителям. Затем, когда волна разбойников схлынула, семья вернулась и нашла разграбленную деревню, разоренный дом и сожженную церковь...

Так Жанна узнала, что такое война, видела с ужасом это противо-христианское состояние, дворовое царство, в котором все умирали в смертном грехе. И она ставила вопрос: неужели Бог вечно будет этому попустительствовать, неужто не положит Он конца несчастьям, не по-

*) Шотландцы — народ живущий на севере Англии.

шлет освободителя, как посылал некогда Гедона и Юдифь людям Израиля? Она знала, что не раз женщина спасала народ Божий; известно было предсказано, что «женщина сотрет главу змия». На церковных порталах она видела святую Маргариту со святым Михаилом, топчущим дракона *). Если, как говорили все, гибель королевства была делом женщины, делом дурной матери, спасение могло прийти от девушки. Так именно гласило Мерлиново пророчество **). Оно расцветчивалось, изменялось по своему в разных областях Франции. В стране Жанны д'Арк оно получило лотарингскую окраску: Королевство должна спасти девушка с лотарингской окраины ***). Возможно, что эта подробность появилась в пророчестве, как результат счастливого для Франции брака Рене Анжуйского с наследницей Лотарингского герцогства.

Однажды, в летний полдень (это пришлось в последний день), находясь в отцовском саду вблизи церкви, Жанна увидела ослепительный свет, идущий с той стороны, и слышала голос:

*) Св. Маргарите, по сказанию, «Житий Святых» явился дьявол в образе дракона, и она обратила его в бегство крестным знаменем. Она бежала из отцовского дома в мужском платье. (Примеч. Мишле).

**) Мерлин — волшебник, о котором много говорят средневековые сказания и который, согласно сказанию, обладал даром пророчества.

***) Девя должна явиться из «седого леса». У самых ворот деревни, где жила Жанна, был лес, носивший такое имя. (Примеч. Мишле).

«Жанна, будь доброй и послушной: ходи чаще в церковь». Бедная девочка сильно испугалась.

Еще в другой раз она услышала голос, увидела свет, но на этот раз в нем явились величественные образы, из которых один был окрылен и походил на благородного рыцаря. Он сказал: «Жанна, иди на помощь французскому королю и верни ему королевство». Вся трепеща, она ответила: «Мессир, я бедная девушка; я не умею владеть конем, ни управлять воинами». Голос ответил: «Иди к Бодрикуру, капитану Вокулера; он велит отвести тебя к королю. Святая Екатерина и святая Маргарита будут с тобою». Она осталась в изумлении и слезах, как если бы предвидела свою судьбу.

Благородный рыцарь видения был святой Михаил, грозный архангел суда и битвы. Он вернулся еще раз, внушил Жанне мужество «рассказал ей о горе французского королевства». Затем явились белые фигуры святых среди бесчисленных светочей, в пышных венцах. И так сладки и умирительны были их голоса, что хотелось плакать. Но Жанна плакала в особенности, когда святые и ангелы ее покидали. «Я хотела бы, чтобы ангелы унесли меня с собою».

Неудивительно, что она плакала в своем великом счастье. Как ни торжественно-прекрасны были ее видения, с ними ее жизнь изменялась. Она, внимавшая до тех пор только голосу мате-

ри, эхом которого был ее собственный, теперь слышала мощные голоса ангелов. И чего требовал от нее небесный голос? Чтобы она покинула мать и милый дом. Она, кого смущало простое слово, должна была идти к людям, вступить в ряды мужчин, говорить с солдатами. Ради шумного мира, ради войны должна была она покинуть свой сад в тени церкви, где слышала только щебетанье птиц, клевавших с ее руки, да звон колоколов *). Обаяние кротости, окружавшее молодую святую, влекло к ней зверей и птиц небесных, в доверчивом ощущении божия мира, как некогда к отцам пустыни.

Жанна ничего не рассказала нам о первой борьбе, которую выдержала ее душа. Очевидно, что она ее испытала и что борьба длилась долго, потому что от первого ее видения до дня, когда она покинула отчий дом, прошло пять лет.

Воля отца и воля небесная указывали ей противоположные пути. Одна требовала, чтобы Жанна жила в безвестности, смиреннии и труде. Другая посылала ее спасать королевство. Ангел повелевал ей взяться за оружие. Отец, грубый и честный крестьянин, клялся, что если дочь его собирается уйти с солдатами, он лучше утопит ее собственными руками. Надо было отказать в

послушании тому или другому. В этом была для Жанны самая тяжелая битва. Те сражения, какие она впоследствии выдерживала против англичан, были сравнительно с этим детской игрой.

Ее семья противопоставила ей не только препятствия, но и соблазны. Попытались выдать ее замуж в надежде отрезвить. Один молодой деревенский сосед утверждал, что ребенком она обещала ему замужество. Жанна отрицала это, и он вызвал ее к церковному судье в Туль. Думали, что она не решится защищаться, что позволит осудить себя и выдать замуж. К всеобщему удивлению она пошла в Туль, явилась на суд и, всегда молчаливая, говорила в свою защиту.

Чтобы освободиться от давления семейной власти, ей надо было найти в самой семье кого-нибудь, кто бы ей поверил. Это было нелегко. Не в силах подействовать на отца, она убедилась в своей миссии дядю. Он взял ее с собою, как бы для того, чтобы помочь в родах его жене. Она уговорила его хлопотать за нее перед Бодрикуром, капитаном Вокулера. Этот вояка довольно плохо принял крестьянина и дал ему один совет: отвести девушку к отцу, «надавав ей пощечин». Это не испугало Жанну. Она решила идти в Вокулер и просила дядю сопровождать ее. То был решительный момент. Жанна навсегда покидала деревню и семью. Она обняла своих подруг, особенно маленькую приятельницу Ман-

*) У нее была настоящая страсть к колокольному звону. Она давала шерсть за разрешение позвонить. (Примеч. Мишле).

жетту, которую поручила божьей защите. Но она предпочла уйти, не простившись с той, кого больше всего любила, с ближайшим своим другом и товарищем Овиеттой.

Так явилась Жанна в Вокулер в своем грубом красном крестьянском платье и остановилась вместе с дядей у жены угольщика, которая любила ее. Добившись того, чтобы ее провели к Бодрикуру, она заявила, что «является к нему от имени Божия. Он должен передать дофину указание держаться спокойно и не принимать сражения с англичанами; Бог пошлет ему победу в Преполование великого Поста... Королевство принадлежит не дофину, а Господу Богу. Но ему угодно, чтобы дофин стал королем и ему было поручено французское королевство». Она добавила, что «вопреки всем врагам, дофин будет королем, и что она поведет его к помазанию».

Капитан был изумлен. Он подозревал в этом какие-нибудь дьявольские штуки. Он посоветовался с священником, у которого, повидимому, были те же сомнения. О своих видениях Жанна не говорила ни с одним служителем Церкви. Священник отправится с капитаном в дом угольщика, развернул свою епитрахиль и заклинал Жанну удалиться, если она послана злым духом.

Но народ не сомневался. Он преклонялся перед Жанной. Со всех сторон являлись взглянуть на нее. Один дворянин сказал, чтобы испытать

ее: «Ну, душенька, нужно было бы, чтобы король был изгнан, и мы сделались англичанами». Жанна пожаловалась ему на отказ Бодрикура: «А между тем,—сказала она,—прежде чем наступит Преполование, мне нужно быть у короля, хотя бы мне пришлось до колен истоптать свои ноги. Потому что никто на свете, ни короли, ни герцоги, ни дочь Шотландского короля не могут вернуть французское королевство. Для него нет иной помощи, кроме моей, хотя это и не мое ремесло, и я предпочла бы остаться за пряхей подле моей бедной матушки; однако, я должна пойти и сделать то, что приказывает мой сеньер». —«А кто твой сеньер?» —«Господь Бог». Дворянин был тронут. Взяв ее руку в свою, чество он обещал ей, что с помощью Божией он доведет ее до короля». Другой молодой дворянин тоже почувствовал себя увлеченным и объявил, что последует за святой девушкой.

Кажется, Бодрикур послал просить разрешение короля *). В ожидании ответа он повел ее к Лотарингскому герцогу, который был болен и хотел с нею посоветоваться. Он ничего не полу-

*) Следует сравнить в этом вопросе мнения историков Лебрена и Лаверди. Я не думаю, чтобы Жанна была „подыскана“ и „намечена“ агентами королевского двора. Но охотно верю, что капитан Бодрикур советовался с королем, что теща Карла VII, королева Иоланда Анжуйская вступила в соглашение с Лотарингским герцогом по вопросу о том, как использовать девушку. Мы видели, что герцог поощрял ее, и увидим, как приняла ее королева Иоланда. (Примеч. Мишле).

чил от нее, кроме совета примириться с Богом и с женой. Во всяком случае, он подбодрил Жанну.

По возвращении в Вокулер, она нашла королевского посла, принесшего ей разрешение. Новая потеря сражения побуждала двор испытывать все средства. Жанна возвестила о сражении в тот самый день, как оно произошло. Жители Вокулера, не сомневаясь в ее миссии *), сложились, чтобы экипировать **) ее и купить ей коня. Капитан дал ей только меч.

В этот момент ей пришлось преодолеть еще одно препятствие. Родители, узнав о близком ее отъезде, чуть не помешались от отчаяния. Они сделали последние усилия, чтобы удержать ее: приказывали, грозили. Она устояла перед испытанием и написала им, что просит простить ее.

Она пускалась в опасную и трудную дорогу. Страна была полна вооруженных людей обеих партий. Не было ни дорог, ни мостов. Реки вздулись. Был февраль 1429 года.

Отправиться в путь с пятью или шестью вооруженными мужчинами! Тут было отчего содрогнуться невинной девушке. Англичанка и немка никогда не решилась бы на такой «не женственный» шаг. Французская девушка не устра-

*) Миссия—собственно, „посланиничество“. Автор хочет сказать, что Жанна послана Богом.

**) Снарядить, обмундировать.

шилась. Она была слишком чиста, чтобы бояться чего бы то ни было в этом смысле. Даже для тех, кто подходил к ней совсем близко, она окружена была оградой веры и благоговейного страха.

С героическим спокойствием духа миновала она всю эту область, то пустынную, то переполненную солдатами. Ее спутники скоро раскаялись, что поехали с нею. Иные, из них, повидимому, заподозрили, что она в самом деле колдунья. Сама она была так мирно, так спокойно настроена, что стремилась остановиться в каждом городе, чтобы выслушать обедню. «Не бойтесь ничего,—говорила она:—Бог ведет меня по моему пути. Для этого я родилась»... А затем: «Мои райские братья указывают мне, что я должна делать».

Двор Карла VII далеко не был единодушен в пользу Девы. Но вдохновенная девушка, которая явилась из Лотарингии и имела за собою поддержку герцога, должна была укрепить около короля партию королевны и ее матери, ануийско-лотарингскую партию. Неподалеку от Шинона Жанне была устроена засада, и она избегла ее только чудом.

Оппозиция против нее при дворе была так сильна, что когда она прибыла, совет два дня обсуждал вопрос, следует ли допустить ее к ко-

ролю. Ее враги рассчитывали оттянуть все на неопределенный срок под предлогом наведения необходимых справок о ней на родине. К счастью, она имела и друзей: обеих королей и особенно герцога алансонского, который, недавно ускользнув из рук англичан, горел нетерпением перенести войну на север, чтобы вернуть свое герцогство. Орлеанцы, которым с 15 февраля Дюнуа обещал чудесную помощь, слали посольства к королю и требовали к себе Деву.

Наконец, король ее принял в самой торжественной обстановке. Тут был, очевидно, расчет, что она смутится. Был вечер. Пятьдесят факелов освещали зал. Множество сеньеров, более трехсот рыцарей собрались вокруг короля. Все хотели видеть колдунью или посланницу неба. Колдунье было восемнадцать лет, это была красивая девушка *), высокого роста, с нежным, проникающим в душу голосом.

Она скромно назвала себя «бедной маленькой пастушкой», с первого же взгляда признала ко-

*) В феврале 1431 г. она заявила, что ей приблизительно девятнадцать лет. (Допрос 21 февр. 1431 года). Двадцать свидетелей дали то же показание. Один французский писатель хотел сделать из нее безупречную красоту. Английский—наоборот, в своей комической ярости говорит: «она была так дурна собой, что ей вовсе не трудно было остаться де-вой». Портрет Жанны д'Арк, нанесенный на поля одной из копий процесса, представляет только параняние писца (Примеч. Мишле).

роля, нарочно смешавшегося с толпой сеньеров, и хотя он сначала отрицал, что он король, она обняла его колени. Так как, однако, он не был помазан, она именовала его дофином. «Милый дофин,—сказала она,—меня зовут Иоанной Девой. Царь небесный передает вам через меня, что вы будете помазаны и коронованы в городе Реймсе и будете наместником Царя небесного, который есть король Франции». Тогда король отошел с нею в сторону и после минутной беседы оба изменились в лице. Как впоследствии Жанна исповедалась своему духовнику, она сказала ему: «От имени Господа говорю тебе, что ты настоящий наследник Франции и истинный король» *).

Враги Жанны признавали, что она может предсказывать будущее, но что она знает его по дьявольскому внушению. Пригласили четырех или пятерых епископов, чтобы ее испытать. Не желая путаться в разногласия придворных партий, они передали дело университету Пуатье.

*) По более позднему, но правдоподобному рассказу, она напознала ему обстоятельно, о котором он один знал: однажды утром в своей молитве он просил у Бога милости вернуть свое царство, если он законный его наследник; в противном случае, не погибнуть и не попасть в плен, но иметь возможность спастись в Испанию или Шотландию. Из ответов Девы ее судьям,—иногда довольно загадочных, можно заключить, что коварный двор злоупотреблял ее простотой, и чтобы утвердить ее в ее видениях, перед нею разыграли нечто вроде мистерий, в которой ангел приносил корону. (Примеч. Мишле).

В этом большом городе был университет, парламент, масса опытных, знающих людей.

Реймский архиепископ, канцлер Франции и председатель королевского суда, вызвал ученых профессоров теологии *), священников и монахов и поручил им испытать Деву.

Когда они разместились в зале, девушка села на край скамьи и отвечала на их вопросы. С простотою, полною величия, она рассказала о своих видениях, об ангельских голосах. Один доминиканец сделал ей важное возражение: «Жанна, ты говоришь, что Бог хочет освободить французский народ. Если такова его воля, он не нуждается в людях оружия». Она не смутилась: «Ах, Боже мой! Люди оружия станут воевать, а Господь даст победу».

Труднее было удовлетворить другого. Это был брат Сеген, лимузенец родом, профессор богословия в Пуатье, «неприятный, резкий человек», говорит хроника. Он спросил на своем лимузенском **) наречии, на каком языке говорил небесный голос—Жанна ответила с живостью: «На лучшем, чем ваш».—«Веришь ли ты в Бога?»—гневно спросил ее ученый.—Бог не хочет, чтобы верили твоим словам, пока ты не пока-

жешь знамения». Она ответила: «Я пришла в Пуатье не для того, чтобы творить знамения и чудеса. Моим знамением будет снятие Орлеанской осады. Пусть дадут мне много или немного вооруженных воинов, и я пойду».

Однако, в Пуатье произошло то же, что в Вокулере. Святость Жанны завоевала народное признание. С первого же дня все были за нее. Женщины, дамы, горожанки приходили взглянуть на нее к жене адвоката парламента, где она помешалась, и уходили глубоко растроганными. Являлись и мужчины. Все эти советники, адвокаты, старые засохшие судьи приходили туда, не веря; но, послушав Жанну, плакали, как женщины, и говорили: «Девушка эта постана Богом».

Члены испытующей коллегии явились к ней самой с королевским конюшим, и когда они опять начали свой бесконечный допрос, рассывая перед нею ученые цитаты и доказывая ей ссылками на святых отцов, что ей не следует верить, она сказала: «Слушайте. В книге Господней заключено больше, чем в ваших... Я не знаю ни А ни Б. Но я пришла от имени Бога, чтобы снять осаду Орлеана и помазать дофина в Реймсе... Однако, до этого я должна написать англичанам, увещевая их уйти прочь. Так хочет Бог. Есть у вас перо и бумага? Пишите, я буду вам диктовать... Вам, Суффор, Гласдаль и Ла-Пуль, от имени Царя Небесного приказываю вам уйти

*) Канцлер—государственный секретарь. Теология—богословие.

**) Лимузен—область в юго-западной Франции.

в Англию»... *) И судьи послушно писали, и видно было, что и их она подчинила своей воле.

Они пришли к заключению, что можно было без греха использовать девушку. Тот же ответ дал епископ эмбренский, к которому обратились с таким же вопросом. Он напомнил, что не раз Бог открывал девам, например, сивиллам **), то, что скрыл от мужей. Нельзя было терять времени. Орлеан вопил о помощи. Дюнуа становился все настойчивее. Жанну снарядили. Ей составили нечто вроде штата. В качестве конюшего ей дали храброго, немолодого уже рыцаря Жака Долона, вассала Дюнуа и честнейшего из его людей. К этому штату был причислен благородный паж, два герольда, дворецкий и двое слуг. К нему присоединился брат Жанны, Пьер д'Арк, разыскавший сестру. В духовники ей дали Жака Паскерель, брата-пустынника из ордена св. Августина.

Настоящее восхищение зрителей вызвало первое появление Жанны в ее белой броне, на красивом черном коне с топориком ***) и мечом

*) Это письмо, как и другие продиктованные Девой, несомненно, подлинные. Они отличаются тем героическим настроением, которое невозможно было бы подделывать, чисто французской живостью, но, кроме того, двумя личными чертами Жанны: наивностью и святостью. (Примеч. Мишле).

**) Сивиллы—вепие девы, по древнему верованию обладавшие пророческим даром.

***) „Большое наслаждение доставила мне и брату Дева, вооруженная, одетая в броню,—кроме головы,—с мечом в руке. И когда мы добрались до Селя, я вошел в дом, где она

св. Екатерины. По ее указанию, этот меч был разыскан за алтарем св. Екатерины в Фьербуа. В руке Жанна держала белое, шитое лилиями знамя, на котором было изображение Бога с земным шаром в руках, а направо и налево—ангелов с лилиями. «Я не хочу,—говорила Жанна,—пользоваться мечом для убийства кого бы то ни было». Она прибавляла, что хотя она и любила свой меч, но «в сорок раз больше» она любила свое знамя. Каково же было положение и отношение обеих сторон в момент, когда Жанна послана была в Орлеан?

Англичане быстро ослабели в долгой зимней осаде. После смерти полководца Сольсбери многие солдаты, которых он нанял, сочли себя свободными и разошлись. С другой стороны, бургуяндцы были отозваны своим герцогом. Когда взято было главное английское укрепление, в котором укрылись защитники также некоторых соседних укреплений, в нем нашли пятьсот человек. Вероятно, всего их было две-три тысячи.

Остановилась. Она велела принести вина и обещала скоро угостить им меня в Париже. И было что-то чудесное во всех ее действиях, в наружности и голосе... Я видел ее... с топориком в руке на высоком черном скакуне... И вот она обернулась к бывшей неподатке церковной двери и сказала голосом, который звучал так по-женски: „Священники и люди церковные. Совершайте процессии и моления Богу“. Затем она снова двинулась своим путем, повторяя: „Вперед, вперед!“ и предшествуемая разрывным звоном, которое нес красивый паж“. (Письмо Гюи де-Лавала матери и бабушке). (Примеч. Мишле).

Из этого небольшого числа, вдобавок, не все были англичане. Была некоторая группа французов, к которым, конечно, англичане не имели особенно большого доверия.

Если бы все они соединились, это составило бы внушительную силу. Но они были разделены по двенадцати укреплениям, — «бастилиям», которые, большею частью, не сообщались между собою *). Это расположение показывает, что Тальбот и другие военачальники до сих пор проявили больше удали и удачливости, нежели стратегического **) ума. Очевидно, многочисленное население Орлеана, ставшее воинственным в итоге долгой осады, должно было кончить тем, чтобы осадить осаждавших.

Когда мы читаем почтенный список вождей, бросившихся в Орлеан: Ла-Ир, Сентрайль, Гоккур, Кюлан, Коараз, Арманьяк; когда мы видим, что кроме бретонцев маршала Реца, гасконцев ***) маршала Сен-Север, — капитан Шатодена Флюдан д'Илле увлек соседнее дворянство в эту короткую экспедицию, освобождение Орлеана кажется нам менее чудесным.

*) Хроникер Монстреле здесь преувеличивает, насчитывая до шестидесяти «бастилий» и до 7—8 тысяч англичан, убитых в южных укреплениях. (Примеч. Мишле).

**) «Стратегия» — искусство располагать войска, распоряжаться их силами.

***) Бретонцы, гасконцы — солдаты из французских областей Бретани и Гаскони.

Надо заметить, однако: чтобы действие этих больших сил привело к цели, не хватало одного, самого, однако, существенного и необходимого: единства действия. Дюнуа мог бы создать его, если бы для этого требовались только ловкость и ум. Но их было недостаточно. Нужна была власть. И большая, нежели власть короля. Королевские капитаны не привыкли повиноваться королю. Чтобы направить дикие, неукротимые воли нужно было вмешательство самого Бога. Богом же этих веков была Дева *), больше нежели сам Христос. Нужна была Дева, нисшедшая на землю, народная дева, прекрасная, молодая, кроткая и смелая.

Война обратила людей в диких животных. Из этих зверей необходимо было вновь создать людей, христиан, послушных подданных. Огромная и трудная перемена! Некоторые из этих «арманьякских» капитанов были, может быть, самыми свирепыми людьми, какие только существовали на свете. Довольно назвать одного, чье имя навеивает ужас: Жюль де-Рец, оригинал Синей Бороды **).

Оставалось, однако, одно средство воздействия на эти души: отвлечившись от человеко-

*) Автор имеет в виду почитание Девы Марии, которое в средние века было сильнее, чем почитание Христа.

**) Есть средневековая сказка о рыцаре «Синяя Борода», жестоком мучителе своих жен и подчиненных.

сти, от природы, они не освободились вполне от влияния религии. Эти разбойники каким-то удивительным образом соединяли свои разбои с религиозностью. Одному из них, гасконцу Ла-Ир принадлежит характерное выражение: «Если бы Бог воплотился в воина, он стал бы грабителем». Отправляясь за добычей, он обычно творил свою короткую гасконскую молитву, не говоря определенно, что он просит, рассчитывая, что Бог поймет его с полуслова: «Господи! Прошу тебя, сделай для Ла-Ира, что Ла-Ир сделал бы для Тебя, если бы Ты был капитаном, а Ла-Ир Господом Богом» *).

Смешно и трогательно было видеть внезапное обращение старых разбойников-арманьяков. Они не каялись вполнину. Ла-Ир больше не смел ругаться и божиться. Дева сжалась при виде усилий, которые он делал над собой, и разрешила ему божбу «своей палкой». Таким образом, черти разом стали святыми.

Прежде всего она потребовала, чтобы они бросили публичных женщин и исповедались **). Затем по пути на берегу Луары она велела воздвигнуть алтарь под открытым небом, причасти-

*) „В чем капеллан дал ему разрешение и тогда Ла-Ир стал творить свою молитву, говоря по гасконски“... и т. д. (Примеч. Мишле).

**) Процесс пересмотра, в рукописи, Показание Дюна „Жанна велела всем исповедаться... и оставить своих девочек“. (Примеч. Мишле).

лась сама, и они причастились. Красота и очарование Туренской весны должны были особенно усилить религиозное обаяние молодой девушки. Суровые воины точно помолодели. Они забыли свой настоящий облик и, как в лучшие годы, видели себя полными доброй воли и надежды, молодыми, как она, почти детьми. С нею они от всего сердца начинали новую жизнь. Куда вела она их?—Неважно! Они пошли бы вслед за нею не только в Орлеан, но и в Иерусалим. И только от англичан зависело присоединиться и двинуться туда же. В письме, которое она послала им, она очень ласково приглашала их присоединиться и всем вместе, французам и англичанам, отправиться на освобождение Гроба Господня *).

Глава II.

Жанна освобождает Орлеан и приводит короля к помазанию в Реймс.

В первую ночь, когда войско расположилось лагерем, Жанна легла в полном вооружении, так как при ней не было женщины. Но она не могла

*) „Вы, герцог Бедфордский! Дева просит и увещает вас, не губите себя сами. Если вы послушаетесь, вы можете отправиться вместе с нею туда, где французы совершат прекрасный подвиг, какой только был совершен ради христианства“. (Примеч. Мишле).

еще освоиться с суровой жизнью и заболела. Что касается опасности, Жанна ее не знала *). Она настаивала, чтобы армия прошла с севера, по английскому берегу, через укрепления англичан, уверяя, что они не двинутся. Ее не хотели слушать и пошли другим берегом (Луары), так, чтобы пройти на две мили выше Орлеана. Дюнуа явился ей навстречу. «Я приношу вам,—сказала она,—лучшую помощь, какая только бывала кому-либо послана: помощь Царя Небесного. Она является не от меня, но от самого Бога, который, по молитве св. Людовика и св. Карла, сжалился над Орлеаном и не захотел терпеть, чтобы врагам достались тело герцога и его город».

Она медленно вошла в город в восемь часов вечера 29 апреля. Толпа не давала возможности быстро продвигаться. Стремились коснуться хотя бы ее коня; глядели на нее, как если бы видели Бога. Ласково говоря с народом, она прошла в церковь, потом в дом казначея орлеанского герцога, почтенного человека, жена и дочери которого приняли Жанну. Она легла с одной из девушек, Шарлоттой.

Жанна вошла вместе с обозом припасов. Но армия снова спустилась по Луаре, чтобы пройти

*) Во всяком случае, она представлялась ангелом, существом чуждым физическим потребностям. Иногда она весь день оставалась на коне, не сходя с него, не принимая ни пищи, ни питья до самого вечера, когда принимала немного хлеба и вина с водой. (Примеч. Мишле).

в Блуа. Жанна хотела тем не менее немедленно атаковать английские укрепления. Во всяком случае, она послала второе увещание в северные укрепления и затем решила обратиться с таким же к южным. Капитан Гласдаль осыпал ее грубыми ругательствами, называя коровницей и потаскухой. В сущности, все они считали ее колдуньей и очень ее боялись. Они оставили у себя ее герольда и собирались сжечь его, рассчитывая, таким образом, рассеять чары. Однако, прежде всего решили запросить профессоров парижского университета. В ответ на эти планы, Дюнуа грозил убить их герольдов, которые были у него в руках. Дева не боялась за своего герольда. Она послала второго, говоря: «Скажи Тальботу, чтобы он вооружился. Я тоже вооружусь... Если он может взять меня, пусть меня сожжет».

Так как английская армия не двигалась, то Дюнуа решил сделать вылазку ей навстречу. Дева, оставшись в Орлеане, оказалась повелительницей города, как, если бы всякая другая власть в нем исчезла. Она обезжала городские стены, и народ бесстрашно следовал за нею *). День спустя она выехала осмотреть вблизи английские бастилии. За нею двинулась целая толпа

*) За нею следовал народ огромною толпою, находя великую радость в том, чтобы видеть ее, быть подле нее. (Из современной хроники). (Примеч. Мишле).

мужчин, женщин и детей поглядеть на эти знаменитые бастии, где ничто не подавало признака жизни. Она повела толпу за собою к церкви св. Креста, к часу всенощной. Во время службы Жанна плакала, и с нею плакал весь народ. Он ничего не боялся, полный религиозного и боевого упоения, в один из тех моментов подъема, когда человек может все свершить, всему поверить и когда зачастую становится не менее страшным для друзей, нежели для недругов.

Канцлер Карла VII, архиепископ реймский, удержал маленькую армию в Блуа. Старый политик мало доверял всемогущей силе энтузиазма, а, может быть, и боялся ее. Сам он шел против воли. Дева была впереди с народом, со священниками, певшими гимны. Процессия несколько раз прошла мимо английских укреплений, и армия, наконец, вступила, охраняемая священниками и девушкой (4 мая 1429 г.).

У этой девушки, при всем ее энтузиазме и вдохновении, было довольно проникательности, чтобы угадать холодное недоброжелательство вновь прибывших. Она поняла, что они хотели действовать без нее. Дюнуа признался ей, что опасались прибытия нового английского отряда с Фальстофом во главе. «Слушай, побочный! *) именем Господним повелеваю тебе, как только

*) Дюнуа был побочным сыном орлеанского герцога.

ты узнаешь о прибытии этого Фальстофа, ты известишь меня! Если он пройдет без моего ведома, я велю отсечь ему голову».

Жанна верно угадывала, что был план действовать без нее. Однажды она отдыхала подле молодой Шарлотты. Внезапно она вскакивает. «Боже мой! По земле струится кровь наших... Как это дурно! Почему меня не разбудили? Скорее, оружие, коня». Она вооружилась в одну минуту и, отыскав игрившего пажу, упрекнула его: «Злой мальчик, ты не нашел нужным сказать мне, что льется французская кровь». Она поскакала быстрым галопом. Но навстречу ей уже несли раненых. «Никогда, — сказала она, — я не видела французской крови без того, чтобы мои волосы не встали дыбом».

С ее появлением беглецы повернули обратно. Дюнуа, которого тоже не предупредили, прибыл одновременно с нею. На укрепление (то было одно из северных) снова повели приступ. Тальбот попытался прийти на помощь; но из Орлеана прибыли новые силы. Дева стала во главе их, и Тальбот вернул своих. Укрепление было отнято у англичан.

Многие из них, надевшие было одеяния священников, чтобы спастись, были приведены к Деве, и она скрyla их в сохрaнном месте. Она знала жестокость своих людей. Это была первая

ее победа. В первый раз видела Жанна поле битвы и заплакала, увидев, что столько людей умерло без покаяния. Сама она со своими людьми пожелала исповедаться и объявила, что на другой день, в Вознесенье, она причастится и проведет день в молитве.

Этим решили воспользоваться. Без нее собрали совет и решили на этот раз перейти Луару, атаковать Сен-Жан-ле-Блан, укрепление, являвшееся главным препятствием к доставке припасов, и вместе с тем симулировать ложную атаку с другой стороны. Завистники Жанны сказали ей только о второй части плана, но Дюнуа открыл ей все.

Тогда англичане, наконец, решились на то, что им давно следовало сделать. Они стянули свои силы. Сжегши сами укрепление, которое французы хотели атаковать, они перешли в два южных укрепления, т. наз. «Августинцев» и «Турэль». Первое подверглось быстрому нападению и было взято. И на этот раз в значительной степени успех обязан был Жанне. На минуту французами овладел панический ужас, и они спешно отхлынули к плывучему мосту. Но Дева и Ла-Ир, отделившись от толпы, кинулись на суда и напали на англичан сбоку.

Оставалась Турэль. Победители провели ночь перед нею. Но они убедили Жанну, ничего не евшю с утра (в тот день была пятница),

перейти Луару. Между тем, собрался совет. Деве сказали с вечера об единодушно, якобы, принятом решении ждать новых подкреплений для атаки Турэли, так как город был полон припасов. Трудно поверить, что таково было серьезное намерение вождей. Англичане могли с минуты на минуту получить подкрепление от Фальстофа. Самая большая опасность заключалась в промедлении. Вернее всего хотели обмануть Жанну и отнять у нее часть успеха, который она так энергично подготовила. Но Жанна не дала провести себя.

«Вы держали свой совет, а я свой»,—сказала она и добавила, обращаясь к капеллану: «Приходите завтра на рассвете и не покидайте меня. У меня будет много дела, и из моего тела прольется кровь. Я буду ранена выше груди».

Утром ее хозяин пытался удержать ее. «Останьтесь, Жанна,—сказал он,—пойдем вместе рыбу, которую только что поймали».—«Сберегите ее,—весело сказала она,—сберегите ее до вечера, когда я перейду мост, взяв Турэль. Я приведу вам одного „Godden a“*), который с'ест свою долю».

Она уехала с толпою вооруженных воинов и

*) Жанна хочет сказать: англичанина. Показание Колетты жены казначея Миле, в доме которого остановилась Жанна. (Прим. Мишле).

горожан к Бургундским воротам. Но Гокур, начальник королевского двора, держал их на запоре. «Вы злой человек,—сказала ему Жанна.— Но хотите ли или нет, мои воины пойдут». Гокур почувствовал, что перед этим потоком возбужденного народа жизнь его не была в безопасности. Да и все равно, его люди не повиновались ему. Толпа открыла главные ворота и съехала боковые.

Над Луарой восходило солнце в тот момент, когда вся масса кинулась на суда. Добравшись до укрепления Турэль, они все же поняли, что им не обойтись без артиллерии и вернулись за нею в город. Наконец, они двинулись приступом на внешний вал, прикрывавший укрепление. Англичане мужественно защищались*), и Дева, видя, что осаждавшие начинают слабеть, бросилась в ров, схватила лестницу и приставила ее к стене, когда стрела вонзилась ей в тело между шеей и плечом. Англичане вышли, чтобы схватить ее, но ее удалось вынести из сражения. Когда с нее сняли броню и положили на траву вдали от места боя, она увидела, как глубока ее рана: стрела вышла сзади. Она испугалась и заплакала... И вдруг внезапно Жанна поднимается. Ей явились ее святые... Она отстранила воинов, которые хотели загово-

*) Кажалось, они считали себя бессмертными. (Из современной хроники). (Прим. Милле).

рить рану. Против воли Божией она не хотела получить исцеление. Она только позволила положить елей на рану и исповедалась.

Дело осады не подвигалось, а между тем наступала ночь. Дюнуа велел бить отбой. «Погодите,—сказала Жанна,—ешьте и пейте»... Сама она ушла в виноградник и стала молиться. В это время один баск взял из рук конюшего Девы ее знамя, которое так пугало врагов. «Едва знамя,—сказала Жанна,—коснется стены, вы можете войти». «Оно коснулось уже». «Входите же, все будет вашим». И в самом деле, осаждающие, вне себя, поднялись «как по лестнице». Англичане оказались осажденными с обеих сторон.

Между тем орлеанцы, которые с того берега Луары следили за сражением, уже не могли сдерживаться. Они открыли ворота и устремились на мост. Одна арка его оказалась сломанной. Они перекинули через пролом сперва негодный жолоб, и один рыцарь, в полном вооружении, решил перейти. Мост кое-как исправили, и толпа ринулась на него. Англичане, видя движущееся море народа, думали, что весь свет двинулся на них *). Их охватило какое-то безумие. Одни увидели свя-

*) Они сами сказали это вечером, когда их привели в Орлеан.

того Эньяна, покровителя города, другие — архангела Михаила *). Гласдаль решился было укрыться в укреплении, перейдя по малому мосту. Мост был разбит ядром. Англичанин упал и утонул на глазах Жанны, которую осыпал ругательствами. «Ах! — сказала она, — как я горюю о твоей душе!» **). В укреплении находилось пятьсот человек. Все были перебиты.

К югу от Луары не осталось ни одного англичанина. На следующий день (в воскресенье) гарнизоны северных бастилий бросили укрепления, оставляя артиллерию, пленников, больных. Тальбот и Суффолк в порядке и с достоинством руководили отступлением. Жанна запретила преследовать их, раз они уходили сами. Но прежде чем они ушли и потеряли из виду город, она велела воздвигнуть алтарь на равнине. У него отслужили мессу, и в виду врага народ воздал благодарение Богу (8-го мая, воскресенье).

*) Согласно орлеанскому преданию, именно в память этого события Людовик XI установил Орден св. Михаила, с девизом: „Гроза безграничного Океана“. В соответствующем ординансе Людовика XI, однако, об этом ничего не сказано. Вероятно, девиз относится к славному паломничеству св. Михаила в Нормандию на берегу моря. (Прим. Мишле).

**) Осада длилась семь месяцев, от 12 октября 1428 г. до 8 мая 1429 г. Для освобождения города Дева довольно было десяти дней: она вступила в Орлеан 30-го апреля вечером. День освобождения остался городским праздником. Он начинался с восхваления Девы. Пропеснии обходили город, окружая мальчика, который изображал Деву. (Прим. Мишле).

Впечатление освобождения Орлеана было потрясающим. Все признали в нем действие сверхъестественной силы. Иные приписывали ее дьяволу, но большинство — Богу. Начинали проникаться верою, что право было, на стороне Карла VII.

Шесть дней спустя после осады ученый богослов Жерсон написал и распространял сочинение, где доказывал, что не оскорбляя разума, можно приписать Богу чудесное событие. Принцесса Христина Пизанская написала по этому поводу похвалу своему полу. Появилось несколько сочинений скорее дружественных Деве, написанных подланными самого герцога бургундского, союзника англичан.

Этим моментом должен был воспользоваться Карл VII. Он должен был смело двинуться из Орлеана в Реймс и наложить руку на корону. Это казалось дерзким и тем не менее могло быть легко в первом испуге англичан. Они сделали огромный промах, не дав помазания и венчания своему юному королю, Генриху VI. Их следовало предупредить. Первый, кто получил помазание, становился королем. Для Карла было очень важно проделать свой королевский путь через английскую Францию, вступить во владение ею, показать, что во Франции король всюду дома.

Только Дева держалась этого мнения, и в

этом геройском безумии была сама мудрость. Политики, сильные головы королевского совета, улыбались. Они хотели, чтобы движение совершилось «медленно и верно», другими словами, чтобы англичанам дано было время оправиться. Все эти советники давали корыстные советы. Герцог алансонский хотел, чтобы двинулись в Нормандию и отвоевали Алансон. Другие настаивали и добились, чтобы остались на Луаре и занялись осадой мелких крепостей. Этот план, план робких, был в интересах домов орлеанского, анжуйского и плутевинца Ла-Тремуйль, любимца Карла VII.

Суффольк кинулся в укрепление Жаржо. Здесь он был заперт и захвачен *). Город Божанси был также взят, прежде чем лорд Тальбот имел возможность получить подмогу, которую вел ему Фальстоф. Коннетабль **) Ришмон, который давно уже держался в своих феодах, явился со своими бретонцами, против воли короля, против воли Девы, на помощь победоносной армии.

Сражение было неизбежно. Ришмон явился, чтобы пожать его лавры. Тальбот и Фальстоф соединились. Но, удивительное обстоятельство,

*) Показание герцога алансонского: Когда он хотел одолжить приступ, Дева сказала ему: «Ах, милый герцог, ты боишься? Разве ты не знаешь, что я обещала твоей жене вернуть тебя живым и здоровым!» (Прим. Мишле).

**) «Коннетабль» — глава конницы, полководец.

рисующее и состояние страны, и случайный характер всей войны:—никто не знал, где найти английскую армию в пустыне Босской, покрытой кущами и кустарником. Ее открыл олень. Преследуемый французским авангардом, он бросился в ряды англичан.

Англичане были на походном положении и не поставили своих обычных защитительных заграждений из кольев. Тальбот один хотел биться, раздраженный воспоминанием, что под Орлеаном он повернул тыл французам. Наоборот, Фальстоф, выигравший недавно так называемую битву Селедок *), не имел повода искать сражения для восстановления своей чести. Как человек разумный, он рассуждал, что с потерявшей дух армией безопаснее занять оборонительное положение. Французские воины не ждали конца спора. Они примчались галопом и не встретили особенного сопротивления **). Тальбот кинулся в сражение, надеясь, может быть, найти смерть, но добился только плена. Преследование было убийственно. Две тысячи англичан устлали равнину своими телами. Дева плакала при виде этих мертвых, и еще больше

*) В неделю этой битвы англичане усиленно питались седелками, которые привез из Парижа Фальстоф.

**) Фальстоф убежал, как и другие, и был наказан лишением ордена Подвязки. Он был начальником двора герцога Бедфордского, и его опала, вскоре, впрочем, снятая, была косвенным ударом герцогу. (Прим. Мишле).

от жестокости солдат, от их бесчеловечной расправы с пленными, которые не могли уплатить выкуп. Одного из них ударили по голове так сильно, что он упал, умирая. Дева бросилась к нему на коне, подняла его голову, поставила за священником и подбодрила умирающего.

После этой битвы, происшедшей у Пате 28 или 29 июня, необходимо было рискнуть—теперь или никогда—двинуться на Реймс. Политики настаивали на том, чтобы армия еще осталась у Луары и обеспечила за собою города Кон и Шарите. Но они могли говорить что угодно, голоса робких уже не слушали. Ежедневно из всех провинций Франции прибывали люди, привлеченные молвою о чудесах Девы, верившие только в нее и, подобно ей, стремившиеся поскорее провести короля в Реймс. Непобедимый дух паломничества, крестоносное одушевление *) овладевали массой. Без-

*) В средние века, когда сильны были чувства воинственности и благочестия, часто собирались „Крестовые походы”—войны с религиозною целью, напр., освобождение от „неверных“ (турок) Гроба Господня, освобождение Испании от арабов. Здесь автор хочет сказать, что участники Карлова похода, шедшие с Девой, считали это дело „божьим“, а в себе видели „крестоносцев“. (Так назывались участники „Крестовых походов“, носившие крест на правом плече). Папство, которому, по обычаю, принадлежало право проповедывать Крестовый поход, — под конец стало злоупотреблять этим правом и, под именем „арагов Христовых“, посылало крестоносцев против своих собственных.

вольный молодой король сам был подхвачен народной волной, великим приливом, который рос и двигал его к северу. Король, придворные, политики, энтузиасты, безумные или мудрые, все вместе, волей или неволей, все двинулись. Их было двенадцать тысяч в день выступления, но по пути толпа росла. Все новые и новые спутники присоединялись к ней. Те, что не имели оружия, если даже они были дворянами, следовали за святым паломничеством в простых камзолах, в качестве стрелков и легко вооруженных.

Армия вышла из Жиена 28 июня, прошла мимо Оксерра, не пытаясь войти в него. Город был в руках бургундского герцога, которого сдали. Труа имел смешанный гарнизон из бургундцев и англичан. При первом появлении королевской армии они решились сделать вылазку. Повидимому без артиллерии нельзя было рассчитывать взять приступом большой, хорошо охраняемый город. Но не рискованно ли оставившись для длительной осады? С другой стороны, как идти вперед, оставляя позади такое укрепление? Армия начинала уже страдать от голода. Не благоразумнее ли было вернуться? Политики торжествовали.

И только один старый арманьякский советник, президент Масон, был другого мнения; он один понимал, что высшая мудрость в таком

предприятия была там, где был его энтузиазм; что в народном крестовом походе не следовало так много рассуждать. «Когда король пустился в этот путь, сказал Масон, он сделал это не из-за великой своей воинской силы, не потому, что имел много денег, и не потому, что путь этот казался ему возможным. Он решился на него потому, что Жанна указала ему идти вперед и короноваться в Реймсе, утверждая, что он не встретит особенного сопротивления, ибо такова воля Божия.

Тогда Дева постучалась в дверь зала совета и заявила, что в течение трех дней король войдет в город. «Мы подождали бы и до шести, если бы верили, что это так», сказал канцлер. «Шесть!.. Вы будете там завтра».

Жанна берет знамя. Все следуют за нею к рвам. Она кидает в ров все, что попадает под руки: вязанки, двери, бревна. Все это с такой быстротою, что в городе вообразили, будто рва уже нет. Англичан охватило помешательство, как в Орлеане. Им представились тучи белых бабочек, порхающих вокруг волшебного знамени. С своей стороны горожанами также овладел страх: они вспомнили, что именно в Труа был заключен договор, лишивший Карла VII наследства. Не будет ли дан на их городе пример расправы? Уже они спасались в церкви; кричали, что надо сдаваться. Воины только того

и хотели. Они начали переговоры и получили пропуск со всем, что имели.

Со всем, что имели! «Имущество» заключалось преимущественно в пленниках, французах... Советники Карла VII, ведшие переговоры о сдаче, не сумели ничего выговорить для этих несчастных. Об этом подумала только Дева. Когда англичане вышли со своими связанными пленниками, она бросилась к воротам с криком: «О Господи! Не уведут же очи их». И, действительно, она удержала пленных, и король уплатил за них выкуп.

Хозяин Труа 9-го июля, — 15-го он совершил вступление в Реймс, а 17-го (воскресенье) был коронован. В то же утро Дева, согласно евангельскому учению, полагая милости выше жертв, продиктовала прекрасное письмо герцогу бургундскому. Не напоминая ни о чем, никого не раздражая и не унижая, она писала ему с тактом и благородством: «Простите друг другу от всего сердца, как должны делать добрые христиане...»

Карл VII получил от архиепископа помазание елеем из священной скляницы, которую, по преданию, некогда Дух Святой принес святому Ремигию. Согласно древнему обряду, он был возведен на престол духовными пэрами *). Светские

*) „Пэрами“ (собственно „равными“) назывались двенадцать высших „вассалов“ французского короля. Из них шесть было светских (герцоги и графы) и шесть духовных (епископы). Пэры, по обычаю, прислуживали во время коронации.

пэры прислуживали ему во время венчания и т. п. Затем он отправился в Сен-Марку коснуться золотушных *). Все церемонии и обряды были выполнены без всякого упущения. Отныне Карл VII был настоящим и единственным, — согласно верованиям того времени, — королем. Теперь англичане могли сколько угодно помазывать своего Генриха. Новое коронование в мысли народа могло быть только пародией настоящего.

В тот момент, когда король принял помазание, Дева опустила на колени, обняла его ноги и горячо заплакала. И все плакати вокруг.

Говорят, она сказала: «Милый король! Теперь исполнена воля Господа, который хотел, чтобы я сняла орлеанскую осаду и ввела тебя в твой город Реймс принять святое помазание, которое показывает, что ты — истинный король и что тебе должно принадлежать королевство Франции».

Дева была права. Она совершила и закончила то, что должна была совершить. Так в самой радости торжественного праздника, у нее была мысль, предчувствие, может быть, близкого конца. Когда она вступала в Реймс с королем, и весь народ шел впереди с пением гимнов, она сказала: «Добрый и набожный народ! Если мне суждено умереть, я буду счастлива, если похоро-

*) Хроникер XII века говорит уже о даре французских королей исцелять от золотухи, который был им передан святым Маркульфом. (Прим. Мишле).

чат меня здесь». — «Жанна, — сказал архиепископ, — где же ты думаешь умереть?» — «Не знаю, где будет на то воля Божия. О, если бы было Ему угодно послать меня снова пасти овец с сестрой и братьями. Как рады были бы они меня видеть! Все-таки я сделала то, что повелел мне Господь». И подняв плаза к небу, она вознесла благодарственную молитву. «И все, кто видел ее в эту минуту, — говорит старая хроника, — верили больше, чем когда бы то ни было, что явление это — от Бога».

Глава III.

Жанна предана и взята в плен.

Сила таинства помазания и его влияние были так могущественны в северной Франции, что с этого момента вся кампания казалась только мирным вступлением во владение, торжеством, продолжением реймского праздника. Пути уравниваются перед королем, города открывают ворота и опускают подъемные мосты. Совершается как бы королевское паломничество из реймского собора к св. Медарду Суассонскому, к Богородице Ланской. Останавливаясь по несколько дней в каждом городе, подвигаясь по мере охоты, король вступил в Шаго-Тьерри, в Провен и, отдохнув здесь хорошенько, направил свою торжественную прогулку в Пикардию.

Были ли еще англичане во Франции? Решительно, в этом можно было усомниться. После дела у Патэ, о Бедфорде не было слышно. Это не значит, что его покинули мужество и энергия. Но он израсходовал последние свои средства. О его оскудении можно судить по одному красноречивому факту: он не мог оплачивать свой парижский Парламент *); деятельность этого учреждения прекратилась, и даже вступление Генриха VI не могло быть описано с приличествующими положению подробностями, потому что не хватало пергамента.

В таком положении Бедфорду не приходилось выбирать. Ему пришлось прибегнуть к человеку, которого он особенно не долюбил: к своему дяде, богатому и всемогущему кардиналу Винчестерскому. Но «Винчестер»,—еще более честолюбивый, нежели скупой, заставлял торговаться и спекулировать на оттяжках **). Договор заключен только 1-го июля, на третий день после поражения при Патэ.—Карл VII вступал в Труа и Реймс;—Париж был в тревоге; а Винче-

*) Тогдашний парижский Парламент не был законодательным учреждением, как в Англии, ограничивавшим власть короля. Он был подчиненным королю высшим судебным и отчасти административным учреждением.

**) Начиная с 15 июня торопят суда для его выезда. Условия, на которых он согласился помочь своему племяннику, королю, установлены только 18-го. Договор заключен 1-го июля, а 16-го—регент и Совет все еще упрашивают Винчестера поскорее приехать и привести короля.

(Прим. Мишле).

стер все еще находился в Англии. Чтобы обеспечить за собою Париж, Бедфорд призвал Филиппа, герцога бургундского. Он действительно явился, но почти один. Бедфорд извлек из его приезда одно: он побудил его выступить в собрании нотаблей, побудил говорить, рассказать скорбную историю о смерти отца. После этого Филипп удалился, оставив в помощь Бедфорду только несколько пикардийских воинов. За это приходилось вдобавок обещать ему город Мо *).

Итак, оставалась надежда только на архиепископа, кардинала Винчестерского. Этот прелат воистину царствовал в Англии. Его племянник, лорд-протектор **) Глостер, глава партии знати, терял свое влияние, благодаря ряду опрометчивых и неразумных поступков. Оно падало в Совете из года в год. Там господствовал Винчестер и до того свел к нулю значение протектора, что из году в год уменьшал его жалованье. Это значило убить его значение, в стране, где человека ценят по его жалованью. Напротив, Винчестер был самым богатым из английских магнатов и одним из влиятельнейших «благотелей». За деньгами следовала власть. Кардинал Винчестерский и богатые архиепископы кентер-

*) Кроме того, ему дали 20000 ливров для оплаты солдат (Прим. Мишле).

**) Прелат—высшее духовное лицо. Всякий епископ и настоятель монастыря считался «прелатом». Лорд-протектор—«покровитель»—титул королевского опекуна.

берийский, лондонский, иоркский, элийский и батский составляли Совет. Они допускали в него и мирян, но под условием, чтобы те молчали; на важнейшие заседания их и не приглашали. Английское правительство, — как и можно было предположить с вступлением Ланкастеров, — стало епископским правительством. Таким оно проявится во всех актах этой эпохи. В 1429 г. канцлер открыл Парламент с потрясающего выступления против ереси *).

Чтобы вознести окончательно на вершину могущество кардинала, надо было, чтобы Бедфорд очутился в таком же жалком положении во Франции, как Глочестер — в Англии, чтобы он вынужден был обратиться к Винчестеру, и тот во главе армии явился короновать Генриха VI. Армия была уже подготовлена Винчестером. Побуждаемый папой организовать Крестовый поход против чешских гусситов **), он под

*) Это дарство епископов ярко проявилось в одном мало известном факте. Один статут, помеченный третьим годом правления Генриха VI, отмечая, что так назыв. „свободные каменщики“ соединяются в союзы, запрещенные законом, отменяет их ежегодные съезды. В 1429 г., когда влиятельный Глочестер затемнено влиянием его дяди, — архиепископ Кентерберийский основывает ложу „свободных каменщиков“ (франкмасонов) и объявляет себя ее главой.

(Прим. Мишле).

**) „Гусситы“ — последователи великого чешского религиозного вождя, Иоанна Гуса. Поднятое им в Чехии движение, которое требовало „очищения церкви“, было не по душе папству. Оно стало проповедовать „Крестовый поход“ против гусситов, тем более, что вместе с религиозными реформами, изволнованная масса требовала и политических, и социальных.

этим предложением набрал несколько тысяч человек. Папа отдал ему сбор с индульгенций *), чтобы перевезти их в Чехию. Но английский Совет дал ему еще большую сумму, чтобы удерживать их во Франции. К великому изумлению крестоносцев, кардинал, таким образом, дважды их продал, получив уплату за армию, которая помогла ему сделать своего короля.

С этой армией Винчестер должен был обеспечить за собой Париж, ввести туда маленького Генриха VI и короновать его. Но королевское помазание обеспечивало кардиналу господство только после того, как удалось бы опорочить помазание Карла VII, набросить тень на его победы и уронить его во мнении народа. Против Карла VII во Франции, как и против Глочестера в Англии, он пустил в ход одно, весьма в те времена действительное средство: процесс о к е л л о в с т в е.

Только 25 июля, когда Карл VII уже девять дней был правильно помазан и коронован, — кардинал вступил со своей армией в Париж. Бедфорд решил не терять ни минуты. Он выступил со своими отрядами, чтобы следить за

*) Индульгенция — отпущение грехов. Католики продавали индульгенции за деньги и не только выдавали отпущение грехам прошлым, но и будущим, покрывая таким образом и даже поощряя разбой, грабежи, святотатство, ибо темные люди, запасшись индульгенцией, снискожно отпирывались грешить.

Карлом VII *). Дважды они встретились, и дело дошло до легких стычек. Бедфорд боялся за Нормандию. Он прикрыл ее в то время, как король пошел на Париж (август).

Это было вопреки мысли Девы. Ее голоса говорили ей, что не следует идти дальше Сен-Дени. Город королевских усыпальниц **), как и город венчаний, был святым городом. Но за его границей она предчувствовала что-то, над чем не имела власти. Так же должен бы был думать Карл VII. Вдохновение воинственной святости, поэзия крестового подвига, взволновавшая деревни, могли ли безопасно встретиться лицом к лицу с прозаическим, рассудочным городом, его насмешливым населением, с схоластиками, с кабашийцами ***)?

Шаг представлялся неосторожным. Такой город нельзя взять приступом; его одолешь только голодом. Но англичане все еще были хозяе-

*) Письмо Бедфорда „Карлу Валуа“ написано тем халким стилем и в тех лицемерных выражениях, какие были в ходу в грамотах Ланкастерского дома: „Имейте жалость и сострадание к бедному христианскому народу. Не отнимайте ни куска от полей в земле Бри... И если, в интересах мира, вы собираетесь чтонибудь предложить, мы сделаем все, что должны сделать добрый католический государь“.

(Прим. Мишле).

**) Обитель Сен-Дени, в соседстве Парижа, была местом, где хоронили королей.

***) „Кабашийцы“ — название политической партии, господствовавшей в Париже и поддерживавшей бургундцев в англичан.

вами его питательной артерии, Сены, как в ее нижнем, так и в верхнем течении. Здесь они имели силу, и их поддерживало население, уже связавшее себя с ними. Кроме того, был пущен слух, что арманьяки собираются разрушить, уничтожить город.

Все же французы захватили вал. Дева спустилась в первый ров и перешла подъем, отделявший его от второго. Здесь она заметила, что этот второй, опоясывавший стены, полон был воды. Не обращая внимания на дождь стрел, сыпавшихся вокруг, она кричала, чтобы принесли фашины, и копьём пробовала глубину воды. Она была почти одна, являясь мишенью стрел. Одна из них вонзилась ей в бедро. Жанна попыталась бороться с болью и осталась, чтобы подбодрить отряды к приступу. Наконец, потеряв много крови, она отошла под защиту первого рва. До десяти или одиннадцати часов вечера ее не могли побудить к отступлению. Казалось, она чувствовала, что торжественное поражение под самыми стенами Парижа должно было ее безвозвратно погубить.

Тысяча пятьсот человек ранено было в этом приступе, в инициативе которого ее обвинили. Она вернулась под проклятиями своих и чужих. Она не задумалась пойти на приступ в праздник Рождества Богородицы (8-го сентября). Насколько Париж был этим возмущен.

Еще больше был возмущен двор Карла VII. Политики, слепые поклонники буквы, присяжные враги духа, все храбро высказались против духа, с того дня, как он как будто ослабел. Канцлер Франции, архиепископ реймский, никогда не отцосившийся доброжелательно к Деве, добился, вопреки ее советам, решения вступить в переговоры. Он сам отправился в Сен-Дени хлопотать о перемирии. Быть может, втайне он надеялся подействовать на герцога бургундского, находившегося тогда в Париже.

Встречая много недоброжелательства и мало поддержки, Дева в течение зимы осадила города Сен-Пьер-ле-Мустье и Шарите. Хотя у Сен-Пьера ее почти все бросили *), тем не менее она взяла его приступом. Осада Шарите затянулась, и панический страх рассеял осаждающих.

Между тем, англичанам удалось, наконец, продвинуть герцога бургундского к серьезной помощи. Чем больше он убеждался в их слабости, тем сильнее была его надежда сохранить за собой области, которые он рассчитывал захватить в Пикардии. Англичане, только что потерявшие

*) Когда протрубили отступление, Лодон увидел Деву в стороне от своих и спросил, что она делает одна и почему не отступает, как другие. Жанна, сняв с головы шлем, ответила, что она не одна: с ней еще пятьдесят тысяч людей, и она не отступит, пока не возьмет город. Однако, рассказывавший это утверждает, что в тот час, как она это говорила, с ней было не больше четырех — пяти человек.

(Прим. Мишле).

Лувье, готовы были идти на все его условия. Богатейший из христианских владык, он не задумывался жертвовать деньгами и людьми для войны, если она сулила ему большие выгоды. За небольшую сумму он купил суассонского губернатора. Затем осадил Компьень, губернатор которого был тоже человек ненадежный. Но жители Компьеня были слишком связаны с делом Карла VII, чтобы допустить сдачу своего города. Дева бросается туда. В тот же день она делает вылазку, надеясь захватить осаждающих врасплох. Но они тотчас оправились и быстро отбросили осаждающих к валу и к мосту. Дева прикрывала отступление в последних рядах. Потому ли, что мост был загроможден толпой, потому ли, что была уже спущена решетка, но она не успела войти во время. Ее одеяние ее выдало; она была сейчас же окружена, схвачена, снята с лошади. Схвативший ее пикардийский стрелок, а по другим сообщениям, незаконный сын герцога вандомского, продал ее Иоанну люксембургскому. Все: англичане, бургундцы с изумлением увидели, что предметом их ужаса, пресловутым чудовищем, дьяволом была восемнадцатилетняя девушка...

Так должно было случиться; она сама знала это заранее. Жестокый конец был неизбежен; мы бы сказали: необходим. Жанна должна была пострадать. Без этого последнего

очищающего испытания сияние ее святого образа омрачили бы какие-то сомнительные тени. Она не была бы в памяти людей Орлеанской Девы.

По поводу освобождения Орлеана и помазания в Реймсе она сказала: «Для этого я родилась!» Но когда то и другое совершилось, ее святость оказалась в опасности...

Война и святость! Поистине враждебные слова. Разве не противна войне святость, которая прежде всего—любовь и мир? Чье молодое мужество не будет захвачено в битве кровавым упоением борьбы и победы? Выступая на подвиг, Жанна говорила, что не хотела бы пользоваться мечом для убийства. И, однако, позднее она уже с удовольствием хвалит меч, который был с ней у Компьена: «Отличный меч; им можно славно колоть и рубить». Нет ли в этом признака перемены? Святая стала полководцем, воином. Герцог алансонский утверждал, что она проявила особенную склонность и таланты в пользовании новым смертоносным оружием, артиллерией. Вождь непокорных солдат, кого постоянно оскорбляла, тревожила их—распущенность, Жанна в обуздании их становилась суровой и гневной. Особенно безжалостна была она к падшим женщинам, которых солдаты возили с собой. Однажды она ударила одну из них плетью мечом св. Екатерины. Меч девственницы не выдер-

жал этого прикосновения; он сломался и никогда не был перекован.

Нездолго до того, как она попала в плен, Жанна сама захватила бургунидского партизана Франке из Арраса, всеми проклинаемого на севере разбойника. Королевский судья приговорил его к повешению. Сначала она отказалась выдать его, надеясь смягчить приговор; затем решила предать его правосудию *). Разбойник сто раз заслужил виселицу; тем не менее выдача пленника и согласие на казнь человека, даже в глазах приверженцев, набросили тень на ее святость. Есть что-то роковое в судьбе подобной души, если она вынуждена вплотную соприкоснуться с жизненной действительностью. Каждый день она должна терять часть самой себя. Нельзя было Жанне стать вдруг богатой, знатной, почитаемой, сравняться с сеньерами и принцами. Пышное одевание, письма знатных, милости короля—все это постепенно, но неизбежно изменило бы ее героическую простоту. Она добилась освобождения своей родной деревни от подати; одному из ее братьев король даровал превотство **) в Вокулере...

Но величайшая опасность для святой заклю-

*) „Она согласилась на его смерть... этим она признала, что она убийца, разбойник и предатель“. (Допрос 14 марта). (Прям. Мысль).

**) Превот—начальник, королевский приказчик.

чалась в самой ее святости, в благоговении и поклонении народа. В Ланьи ее просили воскресить ребенка... Граф Арманьяк писал Жанне, прося ее решить, которого из двух пап надо признать. Если полагаться на ее ответ (возможно, что он подложный), она обещала решить вопрос в конце войны, собираясь, таким образом, поставить верховную власть Церкви на суд своих «голов».

И однако же, во всем этом не было гордыни. Жанна никогда не выдавала себя за святую, она часто признавалась, что будущее ей неизвестно. Однажды ее спросили накануне битвы, выиграет ли ее король?—она ответила, что не знает. В Бурже женщины просили ее коснуться их крестиков и четок; она рассмеялась в ответ и обратилась к даме Маргарите, у которой жила: «Коснитесь их вы сами; они будут так же хороши».

Своеобразной чертою этой девушки был,—мы отметили,—ее здравый смысл в самой экзальтации. Именно эти черты, как увидим, сделали ее судьей неутомимыми. Схоластики и резонеры *), ненавидевшие ее свободное вдохновение, были к ней тем более жестоки, чем менее они могли видеть в ней сумасшедшую, и чем чаще их рас-

*) Схоластики—представители школьной учености. Резонеры—люди рассудка, а не чувства. Автор называет их так с осуждением, в том смысле, как мы говорим: «кишечники», «буквоеды»—люди сухие, не чувствующие жизни.

суждения должны были умолкать перед высшим разумом в ней.

Нетрудно было предвидеть, что Жанна погибнет. Она сама чувствовала это и говорила с самого начала: «Пользуйтесь временем, пока я жива; я продержусь только год, или немного дольше». Много раз она повторяла своему духовнику, брату Паскерелю: «Если мне суждено скоро умереть, передайте от моего имени сеньеру-королю указание строить капеллы, где молились бы за спасение тех, кто умрет, защищая королевство».

Ее родители, встретившись с нею в Реймсе, спросили, неужели она ничего не боится? «Я не страшусь ничего,—ответила она,—кроме предательства».

Остаиваясь в деревне, Жанна любила с наступлением вечера заходить в церковь, особенно исповедующих братьев *), смешиваться с толпой детей, готовившихся к причастию. Если верить старой хронике, то в самый день своего плена, она была у причастия в церкви св. Иакова и Компьени; грустно прислонившись к одной из колонн, она говорила бывшим там многочисленным детям и взрослым: «Мои дорогие друзья, мои милые дети, говорю вам с уверенностью:—

*) „Исповедующими“ или „страстующими“ назывались возникшие в XIII в. братства св. Франциска и св. Доминика (Францисканцы и Доминиканцы).

есть человек, который меня продал; я предана и буду скоро отдана на смерть. Прошу вас, молитесь за меня Богу. Я не смогу больше служить ни моему королю, ни благородному королевству Франции».

Возможно, в самом деле, что за Деву шел торг, и что ее купили, как незадолго перед тем был куплен Суассон. В критический момент, когда молодой король англичан высаживался во Франции, они не пожалели бы ради такого подкупа все золото мира. Но и бургундцы хотели ее получить и получили. Это отвечало интересам не только самого герцога и бургундской партии в целом, но также интересам Жака де Линьи, который добился покупки пленницы.

Если Дева попала в руки знатного сеньера из дома Люксембургов, вассала рыцарственного бургундского герцога *), которого прозвали «добрым герцогом»,—это обстоятельство явилось серьезным испытанием рыцарству того времени. Пленница, взятая в бою, молодая девушка,—чего могла опасаться Жанна среди благородных рыцарей **). В их среде столько говорилось о рыцарстве, о защите обиженных женщин и деву-

*) „Ее вышеупомянутый герцог навестил в жилище, где она находилась, и сказал ей ласковые слова, которых я не вспоминаю, хотя и присутствовал при этом“. (Прим. Мишле).

**) Много рассказывают о влиянии женщин средневековья: о Элоизе, Бланке Кастильской, Жанне и т. д. (Прим. Мишле).

шек. Маршал Бусико основал орден, который служил специально этой задаче *).

Если бы мы не знали удивительного противоречия, существовавшего в то время между идеями и нравами, мы не поняли бы, как могли рыцари предать ту, которая казалась живым воплощением рыцарства, как в эпоху, когда царил Дева (Небесная), Дева (земная) явилась в мире, чтобы быть так безжалостно непризнанной!

В эти печальные годы 1429 и 1430—годы трагедии Девы,—тот, кому суждено было ее предать, Филипп Добрый, целиком отдался веселым приготовлениям к своей третьей свадьбе. На этот раз он собирался жениться на португальской инфанте, англичанке по матери, Филиппе Ланкастерской. Англичане предоставляли ему начальствование над Парижем, но не могли его удержать **). Он спешит оставить голодную страну и вернуться во Фландрию, навстречу молодой супруге. Обряды, церемонии, блестящие праздники, то останавливаясь, то возобновляясь, заняли целые месяцы. Особенно в Брюгге развернулись эти неслыханные торжества и басно-

*) „Тринадцать рыцарей товарищей, носивших девизом белую деву на зеленом щите, провозглашают, что все рыцари обязаны стремиться к охране и защите чести, положения, имущества, доброго имени и славы всех женщин и девушек“ и т. д. (Прим. Мишле).

**) Кажется, англичане были вынуждены это сделать: Парижане потребовали, чтобы герцог бургундский принял управление Парижем. (Прим. Мишле).

словные увеселения, безрассудные траты, которые могли бы разорить принцев: горожане стремились их затмить. Семнадцать «наций», имевших в Брюгге свои конторы, выставили богатства всего мира. Улицы были увешаны красивыми, мягкими фламандскими коврами. В течение восьми дней и ночей рекой лились лучшие вина; каменный лев извергал рейнское вино, олень — бонское, единорог в часы пира брызгал розовой водой и мальвазией.

Но лучшим украшением фламандского праздника были сами фламандки, торжествующие красавицы Брюгге. Вряд ли португальской принцессе доставил большое удовольствие блестящий вид ее новых подданных. Уже раньше испанскую, — Жанну Наваррскую, — он приводил в раздражение, и она невольно восклицала: «Я здесь вижу одних королей».

Под внешними формами рыцарского быта, как будто нескладно отражающим рыцарский роман, жизнь тогдашней Фландрии похожа на веселую и грубую кермессу *) в разгаре веселья. Под предлогом турниров, воинственных игр, воскрешенных пиршеств рыцарей Круглого Стола, происходили непрерывные кутежи **).

*) Кермесса — народный фламандский праздник.

**) Еще в 1840 году устраивался в городах Дильбеге и Зеланде праздник обжор и пьяниц. Наибольшему обжоре давался, в виде приза, серебряный зуб, а человеку, больше всех выпившему, серебряный кран. (Прим. Мишле).

Нельзя не удивляться, что среди безумных празднеств, разорительной роскоши, дела фламандского графа только улучшались. Сколько бы он ни раздавал, ни терял, ни бросал, — все ему возвращалось сторицей. Из общего разорения он выходил, умножая и округляя свои владения. Он встретил препятствия только в Голландии, но без большого труда приобрел господствующие пункты Соммы и Мозы: города Намюр и Перонну. Англичане отдали ему, помимо Перонны, Бар-на-Сене, Оксерр, Мо, дороги к Парижу, наконец, самый Париж.

Счастье за счастьем непрерывно сыпалось на него (фортуна *), не давая передышки. Она отдала в руки одного из его вассалов Деву, драгоценный залог, который англичане купили бы за любую цену. И в то же время положение осложнилось новой удачей: — для Филиппа открылось наследство герцогства Брабантского; но он не мог его удержать, не заручившись дружбой англичан.

Незадолго до смерти герцог брабантский поговаривал о женитьбе, о необходимости иметь наследников. Он умер кстати для герцога бургундского **). Последний владел почти всей тер-

*) Судьба.

**) 4 или 8-го августа он вел переговоры с наследником Лотарингии, Рене Анжуйским, о женитьбе на его дочери.

риторией *), окружавшей Брабант, то-есть Фландрией, Гайнонией **), Голландией, Намюром и Люксембургом. Ему недоставало центральных провинций: богатого Лувена, властного Брюсселя. Искушение было велико. Он не обратил внимания на права своей тетки ***), на которых, однако, основывались его собственные; он пренебрег правами своих опекаемых, своей честью, репутацией честности опекуна ****). Он наложил руку на Брабант. Чтобы его сохранить, чтобы закончить дела в Голландии и Люксембурге и отбить атаку льежцев, осадивших Намюр, необходимо было сохранить дружбу с англичанами; необходимо было предать Деву.

В обычном смысле Филипп Добрый был добрым человеком, с сердцем чувствительным, особенно в отношении женщин, примерный сын и отец, легко проливавший слезы. Он горько оплакивал мертвых Азенкурского побойща, но его союз с англичанами причинил больше смертей, чем Азенкур. Он пролил потоки слез над смертью отца, и потоки крови ради его отмищения. Чув-

*) Землей.

**) Геннегау.

***) Маргарита Бургундская, графиня Гайнонии, дочь Филиппа Смелого и Маргариты Фландрской; через нее женское наследие Брабанта перешло к Бургундскому дому.

*****) Мать Карла и Иоанна Бургундского (сына графа Неверского, убитого при Азенкуре) вышла вторично замуж за Филиппа Доброго в 1424 г., и он разделил с нею опеку над пасынками.

ствительность и чувственность часто идут рука об руку, подчас более чем уживаясь с жестокостью.

Жан де-Линьи, вассал герцога бургундского, державший Деву в своих руках, был совершенно в таком же положении, как его сюзерен *). Как раз в это время судьба поставила его перед рядом великих соблазнов: он принадлежал к славному императорскому дому Люксембургов; одной чести быть родственником императора Генриха VII и короля Иоанна Богемского было достаточно, чтобы с ним считались; но Жан де-Линьи был младший потомок младшего сына **). Благодаря своей изворотливости, он был назначен единственным наследником своей тетки, богатой владелицы земель де-Линьи и Сен-Поль ***). Этот дар мог быть легко оспариваем его старшим братом. В таком состоянии ожидания Жан был покорным и даже трусливым слугой герцога бургундского, англичан, кого угодно. Англичане настаивали на выдаче им пленницы, и они прекрасно могли взять ее сами в башне Бо-лье в Пикардии, куда он ее поместил. С другой

*) Господин.

**) Он был третьим сыном Жана (владельца Боревуара), который, в свою очередь, был младшим сыном графа Гюга де-Линьи.

***) Близкая смерть тетки была неминуема; она и последовала в 1431 г.

стороны, допустив захват Жанны англичанами, он терял в глазах герцога бургундского, который был его сюзереном и судьей в вопросе наследства, а следовательно, мог разорить его одним словом. Временно он отправил Жанну в свой замок Бореуар, около Камбрэ, на территории Империи.

Англичане, уязвляемые чувствами злобы и презрительного унижения, настаивали и угрожали. Их ярость против Девы была так велика, что они сожгли женщину, хорошо об ней отзывавшуюся. Если бы Дева не была осуждена и сожжена, как колдунья, а ее победы не были приписаны демону, они остались бы в глазах народа чудом, Божьим подвигом. В таком случае выходило бы, что Бог был против англичан, что они заслужили поражение, и их дело было делом дьявола; мысль того времени не знала середины. Но подобный вывод, невыносимый для английского самолюбия, был еще более невыносим для такого правительства епископов, каким было английское, для кардинала, руководившего всем.

Винчестер взял дело в свои руки почти в безнадежном состоянии. Глочестер был уничтожен в Англии, Бедфорд во Франции. Винчестер остался один... Он был уверен, что ускорит дело, привезя молодого короля в Калэ (23 апреля); между тем англичане не подвигались. Он попробовал затронуть их самолюбие, выпустив указ

«против тех, кто боится волшебства Девы». Это не произвело никакого впечатления. Король застрел в Калэ, как корабль на мели. Положение Винчестера делалось смешным. Сведя Крестовый поход в св. Землю *) к походу в Богемию, он теперь ограничивался Крестовым походом в Париж... Воинственный прелат, предполагавший, в качестве победителя, отслужить обедню в соборе Парижской Богоматери и там венчать своего питомца, нашел все пути закрытыми. Со стороны Компьени враг запирает ему дорогу на Пикардию, со стороны Лувье на Нормандию. Между тем, война затягивалась, деньги таяли **), Крестовый поход исчезал в тумане. Тут была очевидная шутка дьявола... Кардинал не мог иначе выпутаться из положения, как возбудив процесс против Лукавого и предав сожжению дьявольскую Деву.

Необходимо было получить Жанну, вырвать ее из рук бургундцев. Она была взята в плен 25 мая; 26 из Руана от имени викария инквизиции послано требование герцогу бургундскому и Жану де-Линьи выдать женщину, подозреваемую в колдовстве. Инквизиция не пользовалась

*) Предполагавшийся Генрихом V.

**) Хотя кардинал и брал много денег, но он давал также много собственных. Одни хроникеры уверяют, что коронация произошла на его счет; и он же, без сомнения, дал необходимую аванс для процесса.

(Прим. Мишле).

во Франции большой властью; ее викарием был робкий монах, доминиканец, и без сомнения, как все нищенствующие монахи, благосклонный к Деве. Но он был в Руане под давлением всемогущего кардинала, требовавшего от него быстроты действий. Кардинал назначил капитаном Руана решительного и преданного человека, лорда Варвика, воспитателя Генриха *). У Варвика, таким образом, теперь были две весьма несходные обязанности, обе первостепенной важности: охрана короля и охрана королевского врага; воспитание первого и надзор за процессом второго.

Письмо монаха имело мало веса, поэтому одновременно Винчестер вынудил послание от университета парижского. Трудно себе представить, чтобы университет искренно стал содействовать процессу папской инквизиции, в момент, когда он собирался на церковном соборе в Базеле воевать против папы за права епископства. Сам Винчестер, в качестве главы английского епископата, должен был предпочесть суждение епископов или, если возможно, совместное дей-

*) Маленький Генрих VI говорит в своем рескрипте: „Мы назначили графа Варвика... чтобы воспитать нас лаской и шуткой“. Эта ласковая шутка, которую Гораций приписывает Виргилию, как высший дар нежности, кажется немного странной и неподходящей к суровому тюремщику Девы. В конце концов, он не был, кажется, более мягким и по отношению к своему воспитаннику. Первое требование, которое он поставил, принимая обязанность воспитателя, — было право наказывать.

ствие епископов и инквизиторов. Как раз в его свите среди приближенных к нему людей находился бедный епископ, кормившийся от его стола, в высшей степени подходящий для подобного дела; человек, который, без сомнения, станет присягать и будет судить, как нужно Винчестеру.

Пьер Кошон, епископ Бовэ, был человек, не лишенный достоинств. Он родился в Реймсе, по соседству с родиной Жерсона, был очень влиятельным доктором университета, другом Клеманжиса *), утверждавшего, что он человек «добрый и благодетельный». Доброта не помешала ему быть одним из самых яростных членов яростной «кабошійской» партии. Как таковой, он был изгнан из Парижа в 1413 г. Он вернулся туда с герцогом бургундским и был выбран во время господства англичан в университет на должность хранителя привилегий. Но движение Карла VII в северную Францию в 1429 году было пагубным для Кошона; он хотел удержать Бовэ в английских руках, и был изгнан жителями. Он не остался в Париже у несчастного Бедфорда, который не мог оплачивать его рвения; он перебрался ближе к богатству и могуществу, в Англию, к Винчестеру. Он сделался англичанином и стал говорить по-английски. Винчестер

*) Жерсон и Клеманжис — замечательные ученые и писатели.

понял, сколько выгод он может извлечь из подобного человека; он привязал его к себе, облагодетельствовав больше, чем тот мог рассчитывать. Руанский архиепископ был в то время переведен на другую кафедру, и Винчестер порекомендовал Кошона на этот высокий пост. Но ни папа, ни капитул не хотели Кошона; Руан был в то время во вражде с парижским университетом и не мог принять архиепископом его члена. Вопрос остался нерешенным; Кошон остался в чинах богатой добычи, ожидая, что непобедимый кардинал устранил все препятствия. Исполненный преданности, он не искал теперь иного идола.

Оказалось чрезвычайно удачным, что Дева была взята в плен на границе диоцеза *) Кошона; правда, это произошло не в пределах самого диоцеза, но рассчитывали представить дело, как было нужно... Теперь-то, в качестве законного судьи, Кошон написал английскому королю, возбуждая процесс; 12 июня королевская грамота известила университет, что епископ и инквизитор будут судить совместно. Судопроизводство инквизиции разнилось от обычного церковного суда. Однако, возражений не встретилось. Обе юрисдикции **) согласны были действовать

*) Диоцез—епархия.

**) Судебные власти.

заодно; оставалось только одно затруднение: обвиняемая все еще была в руках бургундцев.

Университет начал действовать; он снова написал герцогу бургундскому и Жану де-Линьи (14 июля). Кошон, ставший в своем рвеннии английским агентом и даже курьером, взялся сам отвезти письмо *) и передал его обоим герцогам. В то же время он требует выдачи пленницы, подлежащей его юрисдикции. Свообразным этим актом он переходит от роли судьи к роли парламентаря и перекупщика, делая денежные предложения. Хотя женщину нельзя считать военнопленной, английский король все-таки даст две или три сотни ливров ренты побочному герцогу вандомскому, а тем, кто ее держит в руках, — сумму в шесть тысяч ливров. Затем, в конце письма, он увеличивает ее до 10 тысяч франков, но подчеркивает высокую цену своего предложения: «столько, говорит он, сколько бы дали по французскому обычаю за короля или принца».

Англичане не настолько полагались на попытки университета и Кошона, чтобы не искать более энергичных средств. В тот же день, как Кошон предъявил свое требование, или на следующий, английский Совет закрыл своим купцам рынки Нидерландов (19 июля), особенно города Антверпена, запретив им покупать полотно и

*) Кошон получал от англичан 100 су в день, судя по его расписке.

другие предметы, на которые они меняли свою шерсть *). Это задевало герцога бургундского с очень чувствительной стороны, поражая две развитые отрасли фламандской промышленности: полотно и сукно; англичане переставали покупать первое и доставлять материал для второго.

Предпринимал ли Карл VII что-нибудь для спасения Девы, в то время как англичане действовали так энергично, чтобы ее погубить? Кажется, ничего **); между тем, у него в руках были пленники, и он мог защитить ее, пригрозив возмездием. Незадолго перед этим он вел переговоры чрез посредничество своего канцлера, реймского архиепископа; но архиепископ, как и другие политики, относился недоброжелательно к Деве. Анжуйско-лотарингская партия, старая королева Сицилии, встретившая Жанну так благосклонно, не могла в то время ходатайствовать за нее перед герцогом бургундским. Герцог лотарингский был при смерти ***); заранее уже

*) Чтобы охватить в целом начавшуюся коммерческую войну между молодой английской промышленностью и нидерландской, следует сопоставить запрещение ввоза во Фландрию сукна и шерсти, выделанных англичанами (1438, 1464, 1494), и, наконец, разрешение ввоза (1499), с обещанием уменьшить права на невыделанную шерсть, которую англичане будут продавать фламандцам в Кале.

**) В грамотах, которыми Карл VII жалует орлеанцам разные привилегии непосредственно после осады, он ни словом не упоминает о Деве. Освобождением город обязал „милостию Божией, помощью жителей, усилиям воинов“.

***) Он умер несколько месяцев спустя, 25 января 1431 г. (Прим. Мишле).

спорили о наследстве, и Филипп Добрый поддерживал соперника Рене Анжуйского, зятя и наследника герцога лотарингского.

Таким образом, мир корысти и алчности был, если не враждебен, то, по крайней мере, равнодушен к Деве. «Добрый» Карл VII не делал для нее ничего; «добрый» герцог Филипп ее продал. Анжуйский дом хотел получить Лотарингию, герцог бургундский — Брабант; главным образом, он хотел продолжения фламандской торговли с Англией. У малых людей были тоже свои корыстолюбивые планы: Жан де-Линьи ждал Сен-Польского наследства; Кошон — Руанского архиепископства.

Напрасно жена Жана де-Линьи бросалась к его ногам и умоляла не бесчестить себя. Он уже был несвободен; он уже получил английские деньги *). Правда, он предал Жанну не прямо англичанам, а герцогу бургундскому. Семья де-Линьи и Сен-Поль, с ее прошлыми традициями и необузданным честолюбием, гналась за fortunой до последнего конца, до Гревской площади **). Предавший Деву, казалось, чувствовал

*) Выкуп был заплачен до 25 октября, как свидетельствует один документ, списанный Мерсье в архивах св. Мартина в Полях. (Прим. Мишле).

**) Намек на племянника Жана де-Линьи, знаменитого кописта Сен-Польского, который предположил одно время создать государство между владениями домов Франции и Бургундии и был обезглавлен в Париже в 1475 г. на Гревской площади.

свою низость; он приказал изобразить на своем щите верблюда, падающего под ношей, с печальным девизом, девизом, непонятным великим сердцам: «Никто не обязан стремиться к невозможному».

Глава IV.

Процесс. Жанна отказывается подчиниться церкви.

Что же делала в это время пленница? Телом она была в Боревауре, душою в Компьене, мысленно сражаясь за покинувшего ее короля. Она чувствовала, что без нее погибнет верный город Компьень и дело короля на всем севере. Один раз Жанна уже пыталась бежать из башен Болье, но в Боревауре соблазн побега стал еще сильнее: она знала, что англичане требовали ее выдачи, а мысль попасть в их руки была для нее ужасна. Она обращалась к своим святым и всегда получала один ответ, что надо страдать, «что она не будет освобождена, не увидев короля англичан».

«Но неужели Бог допустит умереть бедным жителям Компьеня?» *) спрашивала она самое себя. Под влиянием сострадания, искушение по-

*) „Как допустит Бог смерть добрых жителей Компьеня, которые всегда были верны своему сеньеру?“
(Прим. Милле).

бедило. Напрасно раздавались голоса святых. Впервые она не прислушалась к ним и, бросившись с башни, упала почти мертвой у ее подножия. Ее подняли и, несмотря на то, что знатные дамы Линьи окружили ее уходом и попечением, она хотела умереть и ничего не ела в продолжение двух дней.

После того, как Жанна была выдана герцогу бургундскому, ее отвели сначала в город Аррас, потом в башню Кротуа (которая впоследствии исчезла под морскими наносами). Оттуда она видела море и иногда могла различить песчаные холмы вражеской Англии, куда она надеялась перенести войну и освободить герцога орлеанского. Один заключенный священник служил каждый день мессу в башне. Жанна горячо молилась и добивалась исполнения своих молитв. Так, в самом заключении она не бездействовала: пока она была жива, ее молитва проникала сквозь стены и рассеивала врагов.

1-го ноября, в тот самый день, как она предсказала по откровению архангела, город Компьень был освобожден. Герцог бургундский продвинулся до Нуайона, казалось для того, чтобы лично принять удар. И, действительно, несколько позже (30 ноября) он был разбит у Жермини. Когда в Перонне полководец Сентрайль двинулся на него, он не решился принять сражение.

Это унижение, несомненно, утвердило герцо-

га в союзе с англичанами и побудило его выдать им Орлеанскую Деву. Для этого со стороны англичан было бы достаточно даже одной угрозы прервать торговлю. Граф фландрский, хотя и считал себя рыцарем и восстановителем рыцарства, был, в сущности, слугой ремесленников и купцов. Города, выделявшие сукна, и деревни, обрабатывавшие лен, не потерпели бы надолго прекращения торговли и безработицы: вспыхнуло бы возмущение. В тот момент, когда англичане, наконец, держали в своих руках Орлеанскую Деву и могли начать процесс, их военные успехи были не блестящи. Вместо того, чтобы вновь овладеть Лувье, они потеряли Шато-Гайар. Ла-Ир, взявший его приступом, нашел там пленного Барбазана и освободил от цепей этого грозного полководца. Города сами переходили на сторону Карла VII и гнали англичан, как то было в Мелёне, недалеко от Парижа, жители которого изгнали (городской) гарнизон. Чтобы остановить быстрое падение военного счастья, необходимо было пустить в ход большое и могучее орудие. Таким орудием, по мнению кардинала винчестерского, могли явиться процесс (против Жанны) и таинство венчания молодого Генриха VI. Оба эти средства должны были действовать сразу и согласно. Они имели одну цель: обесчестить Карла VII, доказать, что к таинству его привела колдунья, — значило освятить коро-

нование Генриха VI; раз одного признали помазанником дьявола, другой становился помазанником Божиим. Генрих вступил в Париж 2-го декабря *). Еще 21-го ноября парижский университет получил приказание написать епископу Кошону, обвиняя его в медлительности и просить короля начать процесс. Кошон не торопился, так как, видимо, ему казалось невозможным приняться за дело, пока он не был окончательно уверен в вознаграждении. Лишь месяц спустя руанский капитул разрешил ему принять архиепископство. Тотчас же (3 янв. 1431 г.) кардинал винчестерский издал постановление, где он говорил от имени короля, что «по требованию епископа Бове, и по увещанию возлюбленной дочери своей, парижского университета, он приказывает тюремщикам привести обвиняемую к епископу». Выражение «привести» указывало на то, что пленницу не передали церковному судье, а так сказать, одолжили на время, с тем, чтобы взять ее обратно, «если она не будет переубеждена». Англичане ничем не рисковали, потому что Жанна не могла избегнуть смерти; если бы не удалось победить ее огнем, оставалось железо.

*) Так как дорога через Пикардию была слишком опасна, то короля провели через Руан. В письме из Руана от 6-го ноября 1430 г. он уполномочивает канцлера Франции отложить возвращение Парламента: «в виду того, что дороги очень опасны». В другом письме из Парижа, от 13 ноября, дается новая отсрочка. (Прим. Мишле).

9-го января 1431 г. Кошон открыл процесс в Руане. Место рядом с собой он дал викарию инквизиции и начал с предварительного совещания с восьмью руанскими докторами, лиценциатами и магистрами искусств *), представив все собранные им показания об Орлеанской Деве. Сведения, которые были доставлены заранее заботами врагов обвиняемой, не показались достаточными руанским законникам («легиатам»); они, действительно, дали так мало матерьяла, что процесс, сначала означенный по этим данным, как процесс по делу магии **), стал процессом по делу ереси.

Чтобы расположить к себе упрямых нормандских законников и сделать их менее придирчивыми в вопросах форм судопроизводства, Кошон назначил одного из них, Жана де-ла-Фонтена, следователем, сохранив, однако, самую активную роль «возбудителя процесса», для каноника Эстиве, приехавшего вместе с ним из Бове. Он уму-дрился потерять целый месяц на эти приготовления ***); но когда молодой король был уже в

*) „Доктор“, „магистр“, „лиценциат“ — титулы университетских ученых.

**) Волшебства.

***) 13 янв. Кошон собрал несколько аббатов, докторов и лиценциатов и объявил им, что возможно выделить из полученных показаний несколько пунктов, по которым впредь и допрашивать обвиняемую. Чтобы сделать эту краткую выборку, понадобилось десять дней. Когда выработанные

Лондоне (9 февр.), кардинал-епископ винчестерский, спокойный за его особу, немедленно занялся процессом. Не доверяя никому наблюдения за ходом дела, кардинал с полным основанием полагал, что хозяйский глаз лучше всего, и поселился в Руане, чтобы следить за действиями Кошога.

Прежде всего, необходимо было привлечь на свою сторону монаха, представителя инквизиции. Собрав всех заседателей, нормандских священников и парижских ученых в доме одного каноника, Кошон призвал доминиканца и потребовал его содействия. Монах ответил, что «если его полномочия будут признаны достаточными, — он сделает то, что он должен сделать». Епископ поспешил объявить его полномочия совершенно достаточными. Но монах заметил еще, что он хотел бы воздержаться от участия в решении дела как для спокойствия совести, так и для надежности процесса, и что епископ должен заменить его кем-нибудь другим, пока не будет совершенно ясна законность его полномочий.

Его слова были напрасны: — он не смог уклониться от участия в процессе и волею-неволею должен был судить. Его удерживало, кроме

пункты были одобрены 23-го января, Кошон поручил нормандцу Жану де-ла-Фонтену, лиценциату канонического права, произвести предварительный допрос, нечто вроде подготовительного следствия, „исследование о жизни и нравах“, которым начинался всякий церковный процесс.

страха, несомненно и то, что кардинал винчестерский назначил ему двадцать золотых су за его труды. Нищенствующий монах никогда, может быть, в своей жизни не видал столько золота.

21-го февраля Жанну привели в суд. Епископ Бове «кротко и милосердно» сделал ей предложение, прося говорить правду обо всем, о чем бы ее ни спросили, и этим сократить процесс и облегчить свою совесть, не прибегая к унищережиям. На это она ответила: «Не знаю, о чем вы собираетесь меня спрашивать; может быть, вы спросите то, чего я вам никогда не скажу». Она согласилась поклясться говорить правду обо всем, что не касалось ее видений; «о них я ничего не скажу; скорее вы снимете с меня голову». Тем не менее от нее добились клятвы отвечать «на все, что касается веры». Новые настоятельные требования поклясться последовали 22-го и 24-го февраля, но она продолжала упорствовать.

Есть детская поговорка, что людей часто вещают за то, что они сказали правду. Наконец, устав сопротивляться, она согласилась дать клятву «говорить все, что ей известно по ее процессу, но не все вообще, что она знает».

Когда ее спросили о возрасте, имени и прозвище, она ответила, что ей «почти» девятнадцать лет. «В деревне, где я родилась, меня звали Жанеттой, во Франции—Жанной». По какому-то чувству женской стыдливости, ей, пови-

димому, трудно было назвать свое прозвище («Дева»), и она обошла трудность путем целомудренной лжи.. «О прозвище я ничего не знаю».

Она жаловалась на тяжесть цепей на ногах. Епископ сказал, что пришлось надеть ей оковы, так как она несколько раз пыталась бежать. «Это правда», сказала она; «но, ведь, это право каждого пленника. Если бы мне удалось побег, никто не мог бы упрекнуть меня в измене (данному) слову: я ничего не обещала».

Ей приказали прочесть Отче Наш и Богородицу, может быть, под влиянием суеверной мысли, что она не сможет произнести этих молитв, если она отдалась дьяволу.

— «Я охотно их прочту, сказала она, если владыка Бове выслушает мою исповедь». Это была удачная и трогательная просьба; вверяясь, таким образом, своему судье и врагу, она делала его своим духовным отцом и свидетелем своей невинности. Кошон отказал ей, но можно думать, что был взволнован, так как прекратил заседание, а на другой день допрашивал Жанну не сам, а поручил это одному из заседателей.

На четвертом заседании Жанна была особенно одушевлена странным оживлением. Она не скрывала, что слышала свои голоса;—«Они разбудили меня, сказала она: я сложила руки и

просила их научить меня; они ответили: «проси об этом Господа Бога». — «А что же еще они говорили?» — «Чтобы я смело отвечала вам».

... «Я из могу всего говорить; мне страшнее сказать что-нибудь неугодное им, чем отвечать вам... Я прошу прекратить допрос сегодня».

Но епископ настаивал на продолжении допроса, видя ее такой взволнованной. «Разве ты не угождаешь Богу, Жанна, когда говоришь правду?» — «Голоса сказали мне нечто, что я должна открыть одному королю, но никак не вам». Затем она живо добавила: «О, если бы король знал это, он был бы покойнее... Я не стала бы пить вина с этого дня до Пасхи, — только бы он знал!»

Рядом с такими наивными словами, у нее бывали и высокие, прекрасные мысли: «Я пришла от Бога; здесь мне нечего делать; отпустите меня к Богу, от Которого я пришла»... «Вы называете себя моим судьей; подумайте, что вы собираетесь делать! Ведь, я вправду Божья посланница. Вы подвергаете себя большой опасности!»...

Такие слова, конечно, раздражали судей, и они задали ей коварный и вероломный вопрос, с которым обращаться к человеку — великий грех: «Жанна, считаешь ли ты себя пребывающей в состоянии благодати?»

Они полагали, что поставили ей западню. «Нет» — означало признание себя недостойной быть орудием Бога; но с другой стороны, как сказать «да»? Кто из нас, немощных, здесь на земле уверен в обладании благодатью? Разве гордый, кто как раз дальше от нее, чем все остальные.

Жанна разрешила трудный вопрос с истинно героической и истинно христианской простотой.

— «Если я живу вне благодати, пусть Богу будет угодно дать мне благодать; если же я пребываю в ней, да сохранит Он меня в этом состоянии». Фарисей были поражены...

Но при всем своем героизме, она оставалась женщиной... После величавого своего ответа Жанна внезапно пала духом. Ее охватило естественное для христианской души сомнение в своем благодатном состоянии, и она ищет ответов на мучившие ее вопросы: «Если бы я знала, что я живу вне Божьей благодати, я была бы самой несчастной на свете. Но если бы я впала в грех, голоса не говорили бы со мною... Я бы хотела, чтобы все могли их слышать, как слышу я сама».

Эти слова облегчили дело для судей. После продолжительного перерыва они вернулись к допросу с удвоенной злобой и ставили ей один за другим вопросы, которые могли ее

погубить. «Не приказывали ли ей голоса ненавидеть бургундцев? не ходила ли она в детстве к дереву фей?» и т. д. Повидимому, они уже были готовы сжечь ее, как колдунью.

На пятом заседании приступили к трудному и опасному вопросу:—о видениях. Епископ, приняв вдруг сострадательный вид, медоточивым голосом спросил ее: «Жанна, как ты себя чувствовала последние дни с субботы?»

— Хорошо, как видите, насколько было в моих силах,—сказала бедная узница в оковах.

— Жанна, постишься ли ты все дни поста?

— Это отнесится к процессу?

— Да, конечно.

— Да, я всегда постилась.

Тогда ее забросали вопросами о видениях, о знамении, явившемся дофину, о св. Екатерине и арх. Михаиле. Между прочим, в целом ряде недоброжелательных и непристойных вопросов от нее хотели добиться, был ли архангел Михаил «обнажен», когда явился ей. Не поняв тона вопроса, она возразила с небесной чистотой: «Неужели вы думаете, что Господу Богу не во что одеть его?»

3-го марта последовали снова странные вопросы с целью добиться от нее признания в колдовстве или иной связи с дьяволом: «Есть ли тело у архангела Михаила и у святых?»

— Правда ли, что являвшиеся ей образы были ангелами?

— Да, я в это верю так же твердо, как верю в Бога.

Этот ответ был тщательно записан.

После того перешли к вопросу о мужском платье Жанны и ее воинском знамени.

— Делали ли воины себе знамена, подобные твоему? Возобновляли ли они их?

— Да, когда ломалось древко.

— А не говорила ли ты им, что эти знамена принесут им удачу?

— Нет, я только говорила: «Смело врезывайтесь в ряды англичан» и сама бросалась вперед!

— Но почему же в Реймсе, на венчании, было принесено твое знамя, а не знамена других полководцев?

— Оно было в труде и подвиге, и ему надлежало быть в чести.

— С какой мыслью люди целовали тебе ноги, руки и одежду?

— Бедные охотно шли ко мне, потому что я не обижала их, а помогала и защищала, сколько могла.

Такие ответы не могли не тронуть сердце. Кошон увидел, что безопаснее впредь вести процесс тайно, при участии немногих верных людей.

С начала процесса число заседателей меняется на каждом заседании; одни уходят, другие появляются. Место допроса также меняется: сначала обвиняемую допрашивают в зале Руанского замка, потом в тюрьме. «Чтобы не утомлять остальных», Кошон допускал на допрос только двух заседателей и двух свидетелей (с 10 по 17 марта).

Теперь он был уверен в поддержке инквизиции, и это придавало ему смелости вести процесс при закрытых дверях: викарий инквизиции получил, наконец, от главного инквизитора Франции полномочия судить вместе с епископом (12-го марта).

В этих новых допросах настаивали только на некоторых пунктах, указанных заранее Кошоном.

— Разве голоса не велели ей сделать вылазку из Компьени, где она была взята в плен?

Жанна не отвечает прямо: «Святые говорили мне, что я буду схвачена до праздника Иоанна Крестителя, что это должно было свершиться; потому я не должна удивляться, но сносить все терпеливо, и Бог мне поможет... Если так было угодно Богу, то к лучшему, что меня взяли в плен».

— Хорошо было, думаешь ты, уйти из дому без разрешения отца и матери? Разве не следует почитать родителей?

— Они меня простили.

— Но поступив так, разве ты не согрешила?

— Так повелел Бог, и если бы у меня было сто отцов и матерей, я все равно ушла бы.

— Не называли ли тебя голоса дочерью Бога, дочерью Церкви, девой с великим сердцем?

— Перед тем, как была снята осада Орлеана, и всегда с того времени голоса зовут меня Жанна Дева, Господня дочь.

— Скажи, хорошо ли было вести атаку на Париж в день Рождества Богородицы?

— Соблюдать праздники Божьей Матери хорошо, но было бы лучше всегда хранить их в своей совести...

— Почему ты бросилась с башни Боруа? (хотели заставить ее сказать, что она сделала это с целью убить себя).

— Я слышала, что бедные жители Компьени будут все перебиты, вплоть до семилетних детей; и кроме того, я знала, что продана англичанам. Я скорее согласилась бы умереть, чем попасть в их руки *).

— Ненавидишь ли англичане св. Екатерине и св. Маргарите?

*) 14 марта. На другой день она отвечает на подобный вопрос, что она убежит, если допустит Бог. Она ссылалась на французскую поговорку, смысл которой „береженого Бог бережет“.
(Прим. Мишле).

— Святые любят то, что любит Господь, и ненавидят то, что Он ненавидит.

— А Бог ненавидит англичан?

— Я ничего не знаю о любви или ненависти Бога к англичанам, ни о том, что сделает он с их душами; но я знаю, что они будут изгнаны из Франции, кроме тех, которые здесь погибли.

— Не смертный ли грех захватить человека для выкупа, а затем предать его смерти?

— Я этого не делала.

— А разве не был казнен Франке аррасский?

— Я согласилась на это, не будучи в состоянии променять его на одного из моих солдат; к тому же он признался, что он разбойник и изменник. Его процесс длился две недели в суде города Санлиса.

— Но не давала ли ты денег тому, кто схватил Франке?

— Я не государственный казначей Франции, чтобы выдавать деньги.

— Считаешь ли ты, что твой король поступил хорошо, приказав убить герцога бургундского?

— Это было большим злом для французского королевства; но что бы ни было между ними, Бог послал меня на помощь французскому королю.

— Жанна, знаешь ли ты через откровение, что тебе удастся бежать?

— Это не относится к процессу. Неужели вы думаете, что я буду говорить против самой себя?

— Но тем не менее, голоса говорили тебе что-нибудь об этом?

— Это не касается процесса; я полагаюсь на Господа Бога, Он сделает все, как Ему будет угодно.

Затем, помолчав немного, она добавила: «Воистину я не знаю ни дня, ни часа. Да будет воля Господня!»

— Значит, твои голоса вообще ничего тебе не скавали?

— Нет, они сказали мне, что я буду свободна, и чтобы я была бодрой и смелой.

На другой день она прибавила: «Святые сказали мне, что я буду освобождена великой победой; и еще: переноси все безропотно и не думай о своих мучениях; ты достигнешь, наконец, Царства Небесного».

— И с тех пор, как они сказали тебе это, ты уверена, что будешь спасена и не попадешь в ад?

— Да, я верю их словам так же твердо, как если бы я уже была спасена.

— Этим словом много сказано!

— Да, для меня в нем великая отрада.

— Итак, ты полагаешь, что не можешь уже совершить смертного греха?

— Об этом я ничего не знаю; я во всем полагаюсь на Бога.

Теперь, наконец, судьи напали на нужный след, и у них была почва для обвинения. Невозможно было выставить колдуньей и сообщницей дьявола чистую и святую девушку; от этого приходилось отказаться. Но в самой ее святости, как у всех мистиков *), было уязвимое место: тайный голос, почитаемый наравне и даже выше заветов Церкви и предписаний авторитета; вдохновение, но свободное; откровение, но личное; повиновение Богу, но Богу внутреннему.

Первая часть следствия закончилась вопросом Жанне: «Представляет ли она свои слова и поступки определению Церкви?»

На это она ответила: «Я люблю Церковь и готова поддерживать ее всеми своими силами. Что же касается тех дел, которые я совершила, то в этом я предаю себя на суд пославшего меня Небесного Царя».

Когда вопрос был повторен, она не дала

*) Мистик—человек, который стремится к тесному внутреннему общению с Богом, «внутреннему озарению божественным светом». Мистикам свойственно настроение возбуждения, когда внешний мир как бы исчезает, и общение с Богом для них проявляется в видениях и голосах. Жанна—яркий пример мистика.

другого ответа, но прибавила: «Господь Бог и Церковь—это одно». Тогда ей указали, что следует различать «Церковь торжествующую», то-есть Бога, святых и спасенные души, и «Церковь воинствующую», иначе говоря, папу, кардиналов, духовенство и верных христиан,—Церковь, которая «соборно» не может заблуждаться и управляется Св. Духом.

— Ты не хочешь подчиниться Церкви воинствующей?

— Я пришла к королю Франции от Бога, Девы Марии, святых и от небесной победоносной Церкви; этой Церкви я подчиняюсь сама и на ее суд предаю мои дела, прошедшие и будущие.

— А Церкви воинствующей?

— Я ничего больше не буду отвечать.

Если верить одному из заседателей, Жанна будто бы сказала, что есть вопросы, в каких она не верит никому: ни епископу, ни папе. И то, что она знает, она получила от Бога.

Основной вопрос процесса был теперь поставлен во всей простоте и величии; начались прения между видимой Церковью и властью, с одной стороны, и вдохновением, призывающим в свидетели Церковь невидимую, с другой... невидимую для простого глаза... Набожная девушка ясно ее видела, непрерывно сознавала, слышала

в себе самой; она носила в сердце образы святых и ангелов. То была ее Церковь; там сиял Бог. И как темно было всюду вокруг!

В этом была сущность спора. И потому спасения не было; обвиняемая должна была погибнуть. Она не могла уступить, не могла, без лжи, отречься от того, что так ясно видела и слышала. С другой стороны, власть переставала быть властью, если она отказывалась от права суда, если она не карала. Церковь воинствующая вооружена обоюдоострым мечом. Против кого?—Очевидно, против непокорных.

Эта Церковь была страшна в лице резонеров, схоластиков *), врагов вдохновения; она была грозна и неумолима в лице епископа Бове. Но разве не было друзей, выше епископа? Епископская и университетская партия, провозглашавшая главенство соборов, в таком необычном случае не могла не признать, как высшего судью, верховный собор в Базеле, который должен был вскоре открыться. С другой стороны, папская инквизиция, в частности, ее представитель, доминиканец, не стали бы оспаривать первенства папской юрисдикции перед той, которая от нее исходила.

Руанский легист, тот самый Жан де-ла-Фон-

*) Резонеры—люди рассудка, а не чувства. Схоластики—представители средневековой школьной учености.

тен, друг Кошона, враждебно настроенный к Орлеанской Деве, не считал возможным, по совести, оставить беззащитную обвиняемую в неведении, что существует апелляционная инстанция и что она могла к ней прибегнуть, в сущности, ничем не рискуя. Кроме него, два монаха также думали, что верховные права папы должны быть уважены. Хотя и было неправильно, что заседатели могли отдельно посещать обвиняемую и давать ей советы, эти честные люди, видевшие, как Кошон преступал все правила, для того, чтобы доставить торжество беззаконию, не колеблясь, сами нарушали их в интересах правосудия. Они бесстрашно отправились в тюрьму, настояли на пропуске и посоветовали Жанне апеллировать *). На другой же день она подала апелляцию папе и собору. Взысканный Кошон потребовал к себе стражу и узнал, кто посещал Орлеанскую Деву. Легист и оба монаха подверглись смертельной опасности **) и с этого дня скрылись. С ними исчез из процесса последний намек на правосудие.

Сначала Кошон надеялся привлечь на свою сторону столь влиятельный в Руане авторитет людей закона. Но скоро он увидел, что приходится обойтись без них. Когда он передал пер-

*) Жаловаться в высший папский суд.

**) Инквизитор заявил, что если тронут этих двух монахов, он перестанет принимать участие в процессе.

(Прим. Мишле).

вые акты процесса одному из этих важных леги-стов, Жану Лойе, последний прямо заявил, что процесс никуда не годится, что все делается не по форме, что заседатели не имеют достаточно свободы, что дело рассматривается при закрытых дверях, что обвиняемая, простая девушка, не в состоянии отвечать столь ученым людям на такие серьезные вопросы. Наконец, представитель закона осмелился сказать представителю Церкви: «Процесс направлен против чести государя, за которого стоит девушка; следовало бы привлечь также его и дать ему защитника». Эти спокойные слова, напоминающие Папиниана перед Каракаллой *), могли бы дорого стоить Лойе. Но нормандский Папиниан не стал ждать, как римский, своей смерти в курульных креслах, а немедленно уехал в Рим.

Казалось бы, лучшую поддержку Кошон мог найти у богословов. После первого допроса, собрав показания, которые Жанна давала против самой себя, он уединился со своими друзьями, чтобы произвести из этих показаний необходимые извлечения. При помощи пера искусного парижского книжника из этих показаний выделено несколько пунктов, по поводу которых должны были высказаться виднейшие ученые и предста-

*) Первый—римский законник, второй—римский император. Папиниан осудил совершенное императором убийство своего брата и был за то казнен.

вители Церкви. Таков был дурной обычай, оставшийся, как против него ни возражали, обычным приемом в процессах инквизиции. Выводы, извлеченные из ответов Жанны и изложенные в общей форме, имели обманчивый вид беспристрастия. На самом же деле они представляли сплошное искажение ее показаний и неизбежно должны были привести призванных к их рассмотрению ученых к тем самым заключениям, каких желал коварный и недобрый составитель *).

Но несмотря на эти искажения, на страх, который тяготел над учеными, они высказались далеко не единодушно против обвиняемой. Среди них были настоящие богословы, искренно-верующие люди, сохранившие твердую веру средневековья, которые не могли так легко отрицать видения. Тогда пришлось бы усумниться во всех чудесах житий святых, спорить обо всех легендах. Почтенный авраамский епископ ответил, что, по учению Фомы Аквинского, не было ничего невозможного в том, что утверждала эта девушка, и ничего такого, что следовало бы необдуманно отвергнуть.

*) Эти статьи были сообщены сначала наиболее преданным Кошону заседателям; последние, однако, сочли нужным внести оговорку: «Она подчиняется церкви воинствующей постольку, поскольку эта церковь не ирелигиозна и не ищет противного ее прошедшим и будущим открытиям». Так как Кошон настаивал, что самое условное подчинение не есть подчинение, то он и постарался унять оговорку. (Прим. Мишле).

Епископ Лизье, признавая, что откровения Жанны могли быть внушены дьяволом, высказал трезвое соображение, что в одинаковой мере они могли быть и простой ложью. И если она не подчинялась Церкви, ее следовало судить, как отпавшую или самое большое, как подозрительную по вере.

Несколько легистов ответили, как истые нормандцы, что они находят Жанну очень виновной, «если только она не действовала по велению Божию». Один бакалавр пошел еще дальше. Осуждая Деву, он, однако, потребовал, чтобы, в виду слабости ее пола, ей перечли двенадцать обвинительных пунктов (очевидно, он заподозрил, что ей их не показали) и затем направили их к папе. Это означало — отложить дело на неопределенное время.

Собравшись в капелле *) архиепископского дома и рассмотрев статьи, заседатели высказались против Жанны. Руанский капитул, в свою очередь запрошенный по этому пункту, не торопился с решением, чтобы не дать восторжествовать человеку, которого он ненавидел и боялся иметь своим архиепископом. Капитул хотел дожидаться ответа парижского университета, также призванного высказаться. Трудно было сомне-

*) Капелла — часовня, иногда небольшая церковь или придел.

ваться в содержании этого ответа. Партия университетских деятелей, схоластиков и «галликанцев *), не могла отнестись благоприятно к Жанне; представитель этой партии, епископ кутанский, превзошел всех странностью и жестокостью своего ответа. Он написал **) епископу Бове, что признает Жанну предавшейся дьяволу, «так как в ней нет двух качеств, которых требует св. Григорий: добродетели и человечности». Он считает ее утверждения настолько еретическими, что даже в случае, если бы она от них отказалась, ее нельзя было бы освободить из под стражи.

Важный вопрос о том, должно ли внутреннее откровение молчать и отрицать само себя, когда то повелевает Церковь, вопрос, обсуждавшийся публично с большим шумом, не тревожил ли в тишине душу той, которая решительнее всех утверждала и глубже всех верила? Не происходила ли эта борьба в самом святилище веры, в честном и простом сердце? У нас есть некоторые основания думать, что это было так.

Иногда Жанна заявляла о своем подчинении папе и просила отправить ее к нему; иногда она принималась различать, выражая готовность в

*) Галликанцы — сторонники независимости французской церкви от папы.

**) Он написал епископу, не желая, видимо, признать инквизитора судьей.
вып. 43. мишле

вопросах веры подчиниться папе, прелатам и Церкви; в том же, что она совершила, — полагалась только на Бога; иногда, наконец, она не делала этого различия и без объяснения предавала себя на волю «своего Царя, Небесного и Земного Судьи».

Как бы ни старались впоследствии *) затемнить смысл всех этих слов, затушевать человеческие стороны в образе, который подняли до уровня божественного, колебания Жанны несомненны. Неправильно предполагали, что судьям удалось заставить ее изменить свое мнение в этих вопросах. «Она была очень проникательна», справедливо заметил один из свидетелей, «проникательна, как женщина».

Мы были бы склонны приписать эту внутреннюю борьбу поразившей ее болезни, которая почти довела ее до смерти. Ее выздоровление относится к тому времени, когда ее видения изменились, о чем свидетельствует она сама; тогда архангел Михаил, ангел битв, покинул ее, уступив место архангелу Гавриилу, ангелу благодати и божественной любви. Жанна заболела на Страстной неделе. Испытание, вероятно, началось в Вербное воскресенье **). Деревенской де-

*) В эпоху прославления Жанн м.

**) «Я не знаю почему, говорит один великий богослов, Бог выбирает самые торжественные праздники, чтобы особенно испытать и очистить своих избранников... Только на небе, на небесном празднике, мы будем освобождены от

вушке, родившейся на опушке лесов, всегда жившей под открытым небом, пришлось провести прекрасный праздник цветов в глубине башни. Великое «прибежище», которому взывает Церковь *), не сошло к ней; «двери не открылись» **). Они открылись на другой день, чтобы пропустить обвиняемую в большой зал на суд. Ей прочли пункты, которые были составлены на основании ее показаний, предварительного же епископ обратился к ней с увещанием. Он отметил, «что все присутствующие — ученые, представители Церкви, клирики и знатоки Божеского и человеческого права. Будучи благожелательными и милосердными, они желают действовать кротко и мягко, не требуя ни мщения, ни телесного наказания; они только хотят просветить Жанну и направить на путь истины и спасения; в виду же того, что она не была достаточно сведуща в столь трудных и тонких вопросах, епископ и инквизитор предлагали ей выбрать одного или нескольких из при-

всех наших горестей...» Во Франции «Вербное воскресенье» — праздник цветов. Оно поют имя «Цветной Пасхи» (Прим. Мишле).

*) Служба в Вербное воскресенье 1-й час: «Господь, прибежище мое».

**) Известно, что церковная служба этого праздника сохранила драматические формы средневековья. Процессия останавливается перед закрытой дверью, и священник слушает со словами: «Отверзите двери!» — и «двери открываются» Господу.

существующих, кто бы мог дать ей совет. Перед лицом этого собрания, где узница не видела ни одного дружеского лица, она кротко сказала: «благодарю вас за заботы о моем спасении и о нашей вере; что же касается советов, которые вы мне предлагаете, то я не хотела бы уклоняться от советов Господа Бога».

Первая статья касалась главного пункта о подчинении Церкви. Жанна ответила, как и раньше: «Я верю, что Святейший Отец, епископы и все другие духовные лица поставлены, чтобы хранить христианскую веру и карать тех, кто от нее отпадает. В моих же делах я подчиняюсь только Небесной Церкви, Богу и Пресвятой Деве, праведникам и праведницам. Я не погрешила и не хотела бы погрешить против христианской веры». Далее она прибавила: «Я скорее умру, чем отрекусь от того, что я совершила по велению Божию».

Но особенно важным грехом представлялось судьям то обстоятельство, что Жанна надела мужское платье. Черта, характерная для того времени, обличающая всю тупость славных «докторов», их слепую преданность букве, без понимания духа. Они указывали Жанне, что, по канонам, изменившие одежду, приличествующую их полу, мерзки перед Господом. Сначала она не захотела прямо отвечать и попросила отложить вопрос на следующий день. Но так как судьи на-

стаивали на снятии ею мужской одежды, она утверждала «что не в ее власти сказать, когда она сможет снять ее».

— А если тебя не допустят к мессе?

— Чтож, Господь Бог даст мне услышать мессу помимо вас.

— Наденешь ли ты женское платье, чтобы получить причастие на Пасху?

— Нет, я не могу снять свою одежду; а чтобы принять моего Спасителя, я не вижу разницы между этим и всяким иным платьем.

Затем она как будто поколебалась и стала просить, чтобы ее допустили к мессе, говоря: «Дали бы вы мне, пожалуй, такое платье, как носят дочери горожан: очень длинную мантию». Надо заметить, что в ее комнате спали три солдата, из тех разбойников, что назывались «забияками». Мужское платье, которое хотели заставить ее снять, было единственной защитой пленницы, прикованной к бревну тяжелой железной цепью *).

Постоянно находясь на глазах у этих солдат,

*) Ночью она спала с ногами, скованными двумя парами железных оков в виде цепей и плотно привязанными к ножкам кровати поперечной цепью, заправшейся на замок и приделанной к толстому деревянному бруску длиной в 5 или 6 фут. Другой свидетель рассказывает: „было сделано железное бревно, чтобы держать ее в стоячем положении“. Показания Пьера Кюслея. (Прим. Мишле).

среди насмешек и оскорблений *), она, кроме того, была под наблюдением извне. Кардинал винчестерский, инквизитор и Кошон **) имели ключи от башни и следили за ней непрерывно; стена была нарочно пробуравлена для этой цели, так что в этой адской тюрьме даже у камней, казалось, были глаза.

Единственным утешением Жанны была возможность беседовать со священником, выдававшим себя за заключенного и сторонника Карла VII. Это был нормандец Луазлёр, передававшийся англичанам. Он вкрался в доверие Жанны и исповедывал ее в то время, как скрытые писцы подслушивали и записывали... Говорят, что Луазлёр побуждал ее оказывать сопротивление, чтобы погубить ее. Когда обсуждался вопрос, подвергать ли ее пытке, (что было бесполезно, так как она ничего не отрицала и не скрывала), то нашлось всего лишь два или три человека,

*) Граф Линчи явился к ней однажды с английским лордом и сказал: „Жанна, я пришел выкупить тебя с условием, что ты не поднимешь больше оружия против нас“. Она ответила: „Боже мой, я же знаю, что вы смеетесь надо мной; ведь у вас нет для этого ни возможности, ни желания“. Так как он повторял те же слова, она прибавила: „Я знаю, что англичане добьются моей смерти, думая, что после того, как я умру, они завоюют французское королевство. Но даже, если бы их было на сто тысяч человек больше, чем теперь, то и тогда они не завоевали бы Франции“. Английский лорд был до такой степени возмущен, что даже схватился за нож, чтобы прозвать ее, и сделал бы это, если бы граф не удержал его. (Прим. Мишле)

**) Не лично Кошон, а его единомышленник, Эстиве, возбудитель процесса. (Прим. Мишле).

которые высказались за подобную жестокость, и духовник был из их числа.

Тяжелое состояние пленницы стало еще хуже на Страстной неделе, когда ее лишили утешения религии. В Великий четверг для нее не было Тайной Вечери; в этот день, когда Христос становится всемирным Хозяином и призывает всех бедных и страждущих, она, казалось, была забыта.

В Страстную пятницу, день великого молчания, когда затихает всякий шум, и каждый слышит лишь биение своего сердца, казалось, что совесть судей заговорила, и чувство человечности и религии проснулось в их засохших схоластических душах.

В среду на заседании их было 35; в субботу же осталось не более девяти; остальные, конечно, отговорились своими религиозными обязанностями.

Жанна, наоборот, бодрилась; приобщая свои страдания к мукам Христа, она укрепилась духом и вновь повторяла, «что вверяет себя Церкви воинствующей, если она не потребует от нее невозможного».

— Разве ты не считаешь себя подчиненной земной Церкви, Святейшему Отцу, кардиналам, архиепископам, епископам и прелатам?

— Да, конечно, но только после того, как воздам должное Господу Богу.

— Запрещают ли тебе твои голоса подчиняться Церкви воинствующей?

— Они этого никогда не запрещали, если только прежде всего я буду служить Господу Богу.

Глава V.

Испытание.

Твердость духа не покидала Жанну всю Страстную субботу. Но что происходило в ней в воскресенье, в великий день Пасхи? Что чувствовало ее бедное сердце, когда вселенский праздник с ликованием разливался по городу, когда все пятьсот колоколов Руана наполняли воздух радостным звоном *), и христианский мир воскресал вместе со Спасителем. В этот день она оставалась в смертной тьме.

Как тяжело должно было быть в этот день жестокое одиночество для ее души, которая жила только верою! Наряду со своей внутренней жизнью, среди видений и откровений, она всегда покорно склонялась перед заветами Церкви, до сих пор наивно считая себя ее послушной дочерью, «добррой дочерью», как она говорила; могла

*) Сравните с этим то, что мы говорили о глубоком впечатлении, которое производил на нее звон колоколов.
(Прим. Мишле).

ли она без ужаса видеть, как Церковь была против нее? Одинокая, когда все соединялись в Боге; одна, изъятая из радости мира и вселенского причастия, в день, когда дверь небес открылась для всего человеческого рода, — она одна была от них отлучена.

И было ли несправедливым это отлучение?

Душа христианина слишком смиренна, чтобы быть уверенной в своем праве принять Бога. Кто она, в самом деле, чтобы возражать этим прелатам и богословам? Как смела она говорить перед таким множеством сведущих и ученых? И не было ли дерзостью и достойной осуждения гордыни в сопротивлении простой, темной девушки этим мудрым, облеченным властью людям? Подобные сомнения, наверное, приходили ей в голову. С другой стороны, это упорство было не ее, Жанны, упорством, но святых и ангелов, которые внушали ей ее речи и до сих пор поддерживали ее... Но почему же теперь, в такую трудную минуту, они посещают ее все реже и реже? Почему ласковые лики святых являются теперь в таком тусклом свете и бледнеют с каждым днем? Почему не приходит обещанное освобождение? Несомненно, что заключенная часто ставила эти вопросы и робко и осторожно упрекала святых и ангелов. Но если ангелы не сдержали своего слова, — были ли это святые духи?... Будем надеяться, что эта страшная мысль не мелькнула в

ее душе. У нее было средство спастись. Нужно было только, не отрекаясь определенно, отказаться от утверждения; сказать: «Мне кажется»... Представители правосудия находили, что ей было бы очень легко произнести это маленькое слово. Но высказать такое сомнение для нее значило, в сущности, отречься, отказаться от прекрасной мечты о небесных друзьях, изменить кротким небесным сестрам... Лучше было умереть.

И, действительно, несчастная, отвергнутая Церковью видимой, покинутая невидимой, забытая миром и лишенная мужества, Жанна пала духом. И за душевным изнеможением последовало телесное.

Случилось, что в этот день Жанна ела рыбу, которую прислал ей «милосердный» епископ Бове; она могла подумать, что ее отравили. Это было бы выгодно епископу; смерть Жанны закончила бы тягостный процесс и избавила судью от трудного дела. Но англичане думали иначе. Встревоженный лорд Варвик сказал: «Король ни за что на свете не допустит, чтобы она умерла естественной смертью; король ее купит, и она дорого ему стоила... Надо, чтобы она умерла по приговору суда, чтобы она была сожжена... Сделайте все для ее выздоровления»...

Жанну, действительно, окружили заботами; ее осмотрели и пустили ей кровь, но ей не стало

лучше. Она оставалась слабой, почти умирающей.

Боязнь, что она выскользнет из рук и умрет, не отказавшись от своих слов, а может быть, и надежда на то, что телесная слабость облегчит возможность справиться с духом, заставили судей сделать следующую попытку (18 апреля). Они пришли в ее комнату и указали на великую опасность, которой она подвергала себя, не желая слушать советов и следовать голосу Церкви. «Я думаю, что мне, действительно, грозит большая опасность умереть, в виду моей болезни. Если это так, то да исполнится воля Господня; я бы хотела исповедаться, получить святое причастие и быть погребенной в освященной земле».

— Если ты хочешь причаститься Св. Тайн, надо поступить, как все верные католики, и подчиниться Церкви.

На это она ничего не ответила. Затем, когда судья повторил те же слова, она сказала: «Если я умру в тюрьме, я надеюсь, что вы похороните мое тело в освященной земле; если вы этого не сделаете,—я полагаюсь на Господа».

При этих допросах она уже выразила свою последнюю волю. Ее спросили: «Ты говоришь, что носишь мужскую одежду по велению Божию, но тем не менее, хочешь иметь женскую рубашку, если умрешь?»

— Только бы она была длинная,—ответила

Жанна. Этот трогательный ответ показал, что даже в последний час она меньше заботилась о жизни, чем о целомудрии.

Ученые долго уговаривали больную, и один из них, Николай Миди, парижский схоластик, которому специально было поручено убеждать ее, наконец, сказал с раздражением: «Если ты не покорись Церкви, ты будешь покинута, как сарацинка»...—«Я добрая христианка,—возразила она кротко,—я получила св. Крещение и умру, как добрая христианка».

Промедления еще увеличивали нетерпение англичан. Кардинал Винчестерский надеялся до начала кампании закончить процесс, добиться признания у пленницы и обесчестить короля Карла. Нанеся этот удар, он предполагал снова занять Лувье и утвердить за собой Нормандию и область Сены, а после этого он собирался в Базель, рассчитывая начать новую, богословскую войну, выступить на соборе вершителем судеб христианства, возводить и низлагать пап. И в этот момент, когда перед ним уже рисовались такие широкие планы, он принужден был терять время, ожидая, что скажет эта девушка.

Как раз в это время неловкий Кошон восставил против себя руанский капитул, от которого он добивался неблагоприятного для Жанны решения. Он, раньше чем следовало, приказал называть себя «владыка архиепископ». Винче-

стер решил, не останавливаясь перед медлительностью нормандцев, непосредственно обратиться в главный богословский трибунал, каким был парижский университет *).

В ожидании ответа из Парижа судьи делали новые попытки победить упорство обвиняемой, действуя хитростью и устрашением. При вторичном увещании (2 мая), проповедник Шатильон предложил Жанне подложиться на мнение людей ее партии **) в вопросе об истинности ее видений. Но Жанна не попала в эту ловушку: «Я верю только одному судье, Небесному и Земному Царю». На этот раз она уже не сказала, как раньше: «Я верю Богу и папе».—«Но тогда Церковь покинет тебя, и твоя душа и тело погибнут в огне».—«Вы этого не делаете, чтобы не было худо вашему телу и душе».

Дело не ограничилось неопределенными угрозами. На третье увещание, которое происходило в ее комнате 11 мая, привели палача и уверили ее, что пытка готова... Но и это не подействовало. Наоборот, теперь она нашла в себе

*) Ученые, посланные университет, выступили „от имени короля“ в большом собрании, в монастыре бернардинцев. Этот знаменитый монастырь, где было столько важных собраний университета, на которых он судил пап и т. д., существует до сих пор. Теперь там находится склад масла. (Прим. Мишле).

**) Епископ реймского, Ла-Тремуйля и др. Жанне так же было предложено запросить церковь Пуатье. (Прим. Мишле).

столько мужества, как никогда раньше. Воспрянув духом после испытания, она, казалось, приблизилась к источнику благодати. «Архангел Гавриил приходил укрепить меня,—сказала она,—святые подтвердили, что это был он» *). «Бог всегда был моим повелителем, дьявол никогда не имел власти надо мной. Даже когда вы будете терзать мои члены и вырвете душу из тела, я не скажу ничего другого». Дух до такой степени был в ней силен, что даже Шатильон, ее недавний противник, был тронут и стал ее защитником; он заявил, что процесс, веденный таким образом, был, по его мнению, недействительным. Кошон, выведенный из себя, заставил его замолчать.

Наконец, пришел ответ из Парижа. На основании двенадцати пунктов, университет решил, что девушка, предавшая дьяволу, была непочтительна к родителям, жаждала христианской крови, и т. д. Таково было мнение богословского факультета. Юридический факультет, более умеренный, объявлял Жанну достойной наказания, но с двумя ограничениями: во-первых, только в случае, если бы она продолжала упорствовать; во-вторых,—если она была в здравом уме. В тоже время университет разослал послания папе, кар-

*) «Архангел Гавриил явился мне 3-го мая, чтобы укрепить меня». Третье увещание, 11-го мая. (Прим. Мишле).

диналам и английскому королю, отзываясь с похвалой об епископе Бове и заявляя, «что он, отличаясь большой строгостью, свято и справедливо вел процесс, так что все должны быть довольны».

Нашлись лица, которые, вооружившись этим ответом, хотели, чтобы Жанну сожгли немедленно; этого было бы достаточно для удовлетворения ученых, авторитет которых она отвергла; но не для англичан, желавших отречения, которое опозорило бы короля Карла. Попробовали прибегнуть к новому увещанию, к новому проповеднику, Пьеру Морису, который, однако, не имел успеха: напрасно он превозносил авторитет парижского университета, «светоча всех наук»,—Жанна твердо стояла на своем. «Когда я увижу палача и костер, — возразила она,—даже когда я буду в пламени, и тогда я не скажу ничего иного, кроме того, что я уже сказала».

Пришло 23 мая, Духов день; кардинал винчестерский не мог дольше оставаться в Руане, надо было кончать дело. Решено было устроить величественное и ужасное публичное зрелище, которое должно было поколебать упорство Жанны или, по крайней мере, ввести народ в обман. Накануне вечером к ней послали Луавлёра, Шатильона и Мориса с обещанием: если она подчинится Церкви и снимет мужскую одежду, ее

передадут церковному суду и избавят от английского плена.

Страшная комедия разыгралась на кладбище св. Уэна, позади красивой и строгой церкви (сохранившейся в том же виде до нашего времени). На высоком помосте восседал кардинал Винчестер, двое судей и 33 заседателя, у ног которых сидели их писцы. На другом возвышении, среди стражи и палачей, находилась Жанна в мужской одежде; там же помещались нотариус для записывания показаний и проповедник, который должен был ее увещевать. У подножия помоста, в толпе можно было различить странного зрителя: это был палач на тележке, готовый увести ее, как только она будет ему присуждена.

Знаменитый проповедник того времени, ученый Гильом Эрар, пользуясь прекрасным случаем, счел должным дать волю своему красноречию и своим усердием испортил все.

«О благородная французская династия! — воскликнул он, — всегда бывшая покровительницей веры, как обманули тебя, связав твою судьбу с еретичкой и раскольницей!..» До сих пор обвиняемая терпеливо слушала; но когда проповедник обратился к ней и сказал, подняв палец: «Я тебе говорю, Жанна, что твой король — еретик и схизматик», — чудная девушка, забыв всякую опасность, воскликнула: «Честное слово, сир, со всем почтением к вам, я осмеливаюсь сказать

вам и клянусь в том ценою жизни, что мой король — благороднейший, достойнейший из христиан; он свято чтит Церковь и веру; он совершенно не таков, как вы говорите». — «Заставьте ее молчать!» — вскричал Кошон.

Таким образом, все усилия, все труды и расходы были потеряны. Обвиняемая не сдавалась. На этот раз от нее добились только согласия подчиниться папе. «Папа слишком далек!» заметил на это Кошон. Затем он начал читать приговор, составленный заранее; между прочим, там было сказано: «Более того, ты упорно отказывалась подчиниться Святейшему Отцу и Собору» и т. д. Однако, в виду того, что Луазлёр и Эрар заклинали ее сжаться над собою, епископ с некоторой надеждой прервал чтение. Тогда англичане пришли в ярость; секретарь Кошона прямо заявил епископу, что, очевидно, он благоволил к этой девушке; капеллан кардинала говорил то же самое. «Ты лжешь!» — воскликнул епископ. — «А ты изменяешь королю!» — возразил тот. Эти важные люди, казалось, готовы были подраться в присутствии суда. Эрар не унывал; он угрожал, просил. То он говорил: «Жанна, мы так тебя жалеем». Или грозил: «Отрекись, или ты будешь сожжена!» Все вмешивались в эти уговоры вплоть до добряка-стражника, полного сострадания, который умолял Жанну уступить, уверяя, что она будет освобождена от власти англичан и

возвращена Церкви.—«Ну, хорошо, я подпишу», — сказала Жанна. Тогда Кошон, повернувшись к кардиналу, почтительно спросил, что следовало делать дальше.—«Подвергнуть ее покаянию», — ответил князь Церкви. Секретарь Винчестера вытащил из рукава короткое отречение, заключавшее всего только шесть строчек (отречение, которое было впоследствии опубликовано, имело шесть страниц), и вложил ей в руку перо. Жанна не умела писать своего имени; она улыбнулась, начертила круг; тогда секретарь взял ее руку и начертил крест.

Смягченный приговор был все же очень суров: «Жанна, мы осуждаем тебя, милосердно смягчив приговор, на вечное заключение, чтобы ты, оплакивая свои грехи, провела остаток твоих дней в тюрьме, на воде скорби и хлебе горести».

По приговору суда Жанна должна была нести наказание, конечно, в церковной тюрьме. Как бы тяжело ни было *) такое пожизненное заключение в тюрьмах Церкви, все же оно

*) «Процесс против Тамплиеров» изображает, с какой настойчивостью защитники тамплиеров просят передать их в руки церкви. Церковные тюрьмы, однако, были тяжелы тем, что заключенные топились в них очень долго. Напр., в 1384 г., когда одного убийцу оспаривал друг у друга юрисдикции епископа и парижского прево (прево — нечто вроде городского коменданта), подсудимый потребовал суда прево и хотел лучше быть повешенным королевскими людьми, чем людьми епископа, которые предварительно продержали бы его в продолжительном и тяжком заключении.

(Прим. Мишле).

должно было вырвать ее из рук англичан и защитить от их оскорблений, спасти ее честь. Поэтому, каково же было ее удивление и отчаяние, когда епископ холодно приказал: «Отведите ее туда же, откуда вы ее привели!»

Итак, ничего не изменилось! Обманутая таким образом, Жанна не могла не отказаться от своего отречения. Но если бы даже она захотела настаивать на праве, которое оно ей давало, ярость англичан не допустила бы этого. Они приехали в монастырь св. Уэна, в надежде, наконец, схватить колдунью; они ждали этого, затаив дыхание, а им предлагали отправиться назад ни с чем, думая удовлетворить их небольшим кусочком пергамента, подписью, жестом... В тот момент, когда епископ прервал чтение приговора, камни полетели по направлению к помосту, несмотря на присутствие кардинала... Ученые чуть не были убиты, когда спустились на площадь, где вокруг них засверкали обнаженные мечи, которыми англичане грозили перерезать им горло.

Даже самые спокойные из англичан не могли удержаться от оскорбительных выражений: «Попы! вы не заслужили королевских денег!» Спешно пробираясь к выходу, трепещущие судьи говорили: «Не беспокойтесь, мы ее еще поймем».

Не одни только простые солдаты, — английская «чернь», — оказались такими кровожадными. Почтенные люди, знать и лорды были не менее

озлоблены. Королевский приближенный, регент, лорд Варвик повторял, как и солдаты: «Дело короля плохо! Девушка не будет сожжена».

Варвик был, по английским воззрениям, именно порядочный человек, истый англичанин, настоящий джентльмен *). Храбрый и набожный, как его король Генрих V, ревностный борец за существующую Церковь, он совершил паломничество в Святую Землю и много рыцарских странствий, не пропуская ни одного турнира по пути. Он дал один из самых блестящих и знаменитых турниров у ворот Калэ, на котором он бросил вызов французскому рыцарству. Долго хранилось воспоминание об этом празднестве; отвага и великодушие Варвика много сделали для того, чтобы расчистить путь знаменитому Варвику, «делателю королей».

Несмотря на то, что Варвик был рыцарем, он упорно добивался смерти женщины, пленницы, захваченной на войне. Англичане, — даже лучшие и наиболее уважаемые из них, — не считали ниже своей чести убить приговором священников и пламенем ту, которая унизила их мечом.

Великий английский народ, наряду со многими высокими и почтенными качествами облада

*) „Настоящий образец рыцарского духа, вкуса и внешнего лоска, любитель приключений“ и т. д. лорд Варвик был одним из послов, отправленных на Константинопольский собор Генрихом V. Какой-то герцога вызвал его на дуэль, и Варвик убил его.
(Прим. Мишле).

пороком, который подрывает все его достоинство. То огромный и глубокий порок гордости. Жестокая болезнь, являющаяся, однако, принципом их жизни, объяснением их противоречий, тайной причиной их поступков!.. Началом всех их добродетелей и преступлений всегда бывает гордость; ею объясняются и их смешные стороны. Гордость англичан необычайно чувствительна и болезненна; они сами от нее бесконечно страдают и полагают новую гордость в том, чтобы скрывать свои страдания. Их глубину, однако, выдает язык *).

Это самообожание, культ твари самой себя — грех, который был причиной падения Сатаны, олицетворения высшего безбожия. Вот почему при многих высоких человеческих достоинствах, серьезности и внешней честности, при сильной библейской окраске их культуры, англичане, более чем какая-нибудь другая нация, далеки от милосердия. Их прекрасная и простая литература

*) Именно английскому языку принадлежат два выразительных слова: „диспейтмен“ и „мортификешен“. Первое приблизительно значит „отчаяние“, второе — „угнетение, оскорбление“. Французский язык взял эти слова с английского. Слово „мортификешен“ употреблялось, правда, повсюду на языке религиозного подвижничества; оно означало добровольное истязание, которому подвергал себя грешник, чтобы умертвить плоть и умиротворить Бога; на английском же языке это слово применяется к повитию новорожденных страданий тшеславия. Англичане взяли это слово из религии и перевели его в область человеческого.
(Прим. Мишле).

от Шекспира *) до Мильтона и от Мильтона до Байрона отличается каким-то привкусом скептицизма, юдаизма и сатанизма **). Один легист очень хорошо сказал, что «в области права англичане поступают, как евреи, французы же, как христиане». То, что он сказал о праве, богослов сказал бы о вере. Американские индейцы, у которых часто столько проникновенности и оригинальности, по своему определяли это различие: «Христос, говорили они, был французом, которого англичане распяли в Лондоне; Понтий Пилат был великобританским офицером». Никогда евреи не были так восстановлены против Христа, как англичане против Орлеанской Девы. Правда, она жестоко их ранила в самое чувствительное место, оскорбив то наивное и глубокое почтение, которое они питают к самим себе. Под Орлеаном непобедимые стрелки с Тальботом во главе показали тыл неприятелю; при Жарисо, защищенные крепкими стенами, они сдались; при Патэ они бежали со всех ног, бежали перед де-

*) Я не помню, встречается ли имя Бога в произведениях Шекспира; если да, то очень редко, случайно и без оттенка религиозного чувства. Настоящий герой Мильтона — Сатана. Байрон также не отверг имени главы „сатанинской школы“, которое дал ему его враги. Этот несчастный великий человек, мучимый гордостью, кажется, ничего не имел бы против, если бы его самого сочли дьяволом (в этом описании английского характера и замечаниях об английских поэтах: Шекспире, Мильтоне и Байроне — Мишле, очень не любивший англичан, несомненно, преувеличивает).

**) Автор хочет сказать: духом непереносимости, сухости, озлобленности и гордыни. Опять-таки и здесь — преувеличение.

вушкой... Вот о чем тяжело было вспоминать, и молчаливых англичан беспрестанно язвила эта мысль.

Девушка заставила их пережить чувство страха... Они не были уверены, что она, хотя и законная в цепи, не вызовет его снова, не своей, конечно, силой, но силой дьявола, орудием которого она была. Эту мысль, по крайней мере, они старались внушить себе и другим.

Глава VI.

Смерть.

Когда настало утро Троицына дня, Жанна должна была встать (как передавала она сама рассказчику *), она обратилась к своим английским тюремщикам со словами: «Освободите меня от цепей, чтобы я могла подняться. Один из них снял с нее женскую одежду и, вынув из мешка мужское платье, сказал ей: «Вставай». — «Вы знаете», возразила она, «что мне запрещено его надевать», и отказалась от него. Их спор продолжался до полудня; наконец, в силу естественной нужды, ей пришлось

*) Показание пристава Масё, который проножал ее до самого костра.
(Прим. Мишле).

одеться и выйти. По возвращении, стража, не взирая на ее мольбы, не пожелала дать ей другого платья.

Перемена одежды и уничтожение с таким трудом добытого отречения не были, в сущности, в интересах англичан, но в данную минуту их ярость не знала границ. Сантрайль только что предпринял отважную попытку овладеть Руаном *). Недурно было бы захватить судей в суде и увести в Пуатье Винчестера и Бедфорда. Последний, между прочим, едва не попал в плен на пути между Руаном и Парижем. Англичане не могли чувствовать себя в полной безопасности, пока жила проклятая девушка, которая, без сомнения, и в тюрьме продолжала свои дьявольские козни.—Она должна была погибнуть.

Тотчас призвали в замок заседателей, чтобы показать им происшедшую в ее одежде перемену; их встретила во дворе сотня англичан и преградила им путь; полагая, что приход судей может все испортить, солдаты прогнали их, утрожая мечами и топорами и крича: «Предатели—арманьяки». Выведенный с большим тру-

*) Нет никаких указаний на то, что он был послан Карлом VII для освобождения Девы. Король, вероятно, полагая, что нашел средство обойтись без ее помощи, Сантрайль вел пастушок-гасконец. Предприятие не удалось, и мальчик попал в плен.
(Прик. Мишле).

дом Кошон, в угоду Варвику, прикинулся веселым и со смехом сказал: «Теперь она попала!».

В понедельник он вернулся с инквизитором и семью судьями, чтобы допросить девушку и узнать, почему она переменила одежду. Она не раскаялась в своем поступке, но, мужественно встретив опасность, пояснила, что надетое на ней платье—приличнее и удобнее, пока она находится под мужской стражей. Кроме того, ведь судьи не сдержали своего слова, а святые говорили ей, что очень нехорошо было нарушить клятву ради спасения жизни. Впрочем, она не отказывалась заменить свою одежду женским платьем. «Поместите меня,—говорила она,—в надежную и не суровую тюрьму, и я буду добра и послушна и исполню все желания Церкви».

При выходе епископ встретил Варвика; чтобы показаться добрым англичанином, он сказал по-английски: „Farewell!“—(Будьте здоровы!)—«Все кончено» означало приблизительно это радостное прощание.

Во вторник судьи наскоро устроили в архиепископском доме собрание заседателей; часть их присутствовала только на первых заседаниях; другие не бывали вовсе. Вернее, собрались люди всякого рода: священники, легисты и даже три врача; судьи сообщили им о том, что произо-

шло и запросили их мнения. Сверх ожидания, оно сводилось к тому, чтобы еще раз призвать заключенную и прочесть ей ее признание. Сомнительно, чтобы выполнение этого было во власти судей. В этом мире мечей, среди разъяренных солдат фактически не существовало более ни судей, ни возможности правильного суда. Нужна была кровь; быть может, недалеко было от того, чтобы пролилась кровь самых судей. Они наскоро составили вызов на суд, который предполагалось объявить в восемь часов утра на следующий день. Жанна должна была предстать перед судом только для того, чтобы быть сожженной.

Утром Кошон послал к ней исповедника, брата Мартина Ладвеню, чтобы известить ее о казни и побудить к покаянию. Когда последний сообщил бедной женщине, что она должна умереть в тот же день, она начала биться и рвать на себе волосы, горестно восклицая: «Неужели со мною поступят так жестоко и бесчеловечно; неужели мое чистое, нетронутое и неоскверненное тело будет сегодня уничтожено и превращено в пепел! Я предпочла бы быть семь раз обезглавленной, чем сожженной. Я воюю о том к Богу, великому судье всех обид и неправд, которые мне причинили». После такого взрыва горя она пришла в себя, исповедалась и попросила дать ей причастие. Монах не знал, как

поступить, но епископ, к которому он обратился, разрешил причастить ее и исполнить «все, о чем она попросит». Таким образом, считая ее еретичкой, отступницей и отлучая от Церкви, он даровал ей все, что Церковь дарует верным. Быть может, в душе злого судьи шевельнулось последнее человеческое чувство: он подумал, что достаточно сжечь бедное создание, не налагая на нее печать осуждения и не лишая ее надежды. Возможно также, что, дурной священник, он, по легкомыслию вольнодумца, раздавал таинства, как нечто неважное, могущее, однако, успокоить страдальцу и заставить ее молчать. Сначала, впрочем, попробовали причастить ее тайком и принесли Св. Дары без епитрахили и свечей. Но монах пожаловался на это, и руанский капитул, которому дали о том знать, не отказал себе в удовольствии высказать свое мнение о решении Кошона. Он послал тело Христово со множеством свечей, в сопровождении многочисленного духовенства, певшего литании и при прохождении по улицам говорившего коленопреклоненному народу: «Молитесь за нее!».

Жанна приняла причастие с горячими слезами. Потом, заметив епископа, она сказала ему: «Владыка, я умираю по вашей вине. Этого бы не случилось, если бы вы заключили меня в церковную темницу и приставили церковную

отражу. Почему я и призываю Бога против вас».

Вслед затем, увидев среди присутствующих Пьера Мориса, одного из тех, кто увещевал ее, она обратилась к нему с вопросом: «Где я буду сегодня вечером?»—«Разве у тебя нет благой надежды на Господа?»—спросил он.—«Конечно есть, с Божьей помощью я буду в раю!».

Было девять часов. Ее переодели в женское платье и посадили на телегу. Вместе с ней с одной стороны поместились исповедник, брат Мартин Ладвено, с другой—пристав Масьё. Не захотел ее покинуть и брат Изамбар, монах августинец, который и раньше проявил столько любви и мужества. Утверждают, что и негодный Луазелёр также поднялся на телегу и просил у нее прощения; — если бы не вмешался граф Варвик, то англичане убили бы его.

До этой минуты Дева не подавалась отчаянию, за исключением, быть может, искушения в дни Святой Недели. Хотя она повторяла время от времени: «англичане умертвят меня»,—в глубине души она этому не верила. Не представляла себе и того, что будет покинута, твердо надеялась на короля, на «добрый французский народ» и определенно говорила: «В тюрьме или во время суда произойдет какое-нибудь замешательство, и я буду освобождена в великой победе»...

Даже если бы король и народ изменили ей, у нее осталась другая помощь, еще более могущественная и верная, помощь ее небесных друзей, добрых и дорогих святых. При осаде Сен-Пьера, когда французы покинули ее во время приступа, святые послали ей на помощь невидимое войско. Как могли они покинуть свою послушную дочь? Ведь они столько раз обещали ей спасение и избавление! Что же должна была она подумать, когда увидела, что действительно приходится умирать, когда окруженная 1800 вооруженных мечами и копьями англичан, подвигалась в телеге сквозь дрожащую толпу? Она плакала, горевала,—не обвиняя, однако, ни короля, ни святых. Только одна фраза вырвалась у нее: «О Руан, Руан! Неужели я должна здесь умереть?».

Концом унылого пути был Старый Рыбный Рынок. На площади были воздвигнуты три помоста. На одном из них помещалась королевская и архиепископская кафедра, трон кардинала Англии, окруженный сидениями его прелатов. Второй предназначался для действующих лиц мрачной драмы; проповедника, судьи, балы и, наконец, самой осужденной. Отдельно виднелся громадный оштукатуренный помост, заваленный дровами. Ничего не пожалели для костра, и он пугал своей высотой. Это было сделано не только для придания торжественно-

сти обряду сожжения, но и с определенного целью: — палач мог достать только снизу до костра, расположенного на большой высоте, и зажечь его; таким образом, он не был в состоянии ни ускорить казнь *), ни покончить с осужденной, избавив ее от огненных мук, как обычно делал с другими. В данном случае вопрос был не в том, чтобы обмануть бдительность правосудия и предать огню мертвое тело. Жанна должна была, действительно, живо сгореть. Поместив ее на вершине горы из дров, над кругом копей и мечей, на виду у всей площади, можно было предположить, что долго и медленно сжигаемая на глазах любопытной толпы, она проявит, наконец, некоторую слабость; у нее вырвется, если не признание, то по крайней мере, несвязные слова, которые легко истолковать в желанном смысле; быть может, даже тихие молитвы или униженные моления о пощаде, естественные для падшей духом женщины. Страшный обряд начался с проповеди. Магистр Николай Миди, светило парижского университета, произнес поучение на назидательную тему: «Если болен один член Церкви, вся Церковь больна». Эта бедная Церковь могла

*) „Чем он был огорчен и сильно жалел ее“. Эта подробность, как и большая часть последующих, извлечены из показаний очевидцев-оченидцев: Мартина Ладвено, Изабара-Тузулье, Маншона, Бонэра, Массь и др.

(Прим. Мишле).

исцелиться, лишь отрезав больной член. Он закончил словами: «Жанна, иди с миром, Церковь больше не может тебя защитить!»

Тогда церковный судья, епископ Бове начал убеждать ее подумать о душе, припомнить все грехи, чтобы возбудить себя к покаянию. Несмотря на то, что заседатели сочли законным повторить ей ее отвергнутое отречение, епископ не воспользовался их постановлением: он боялся изобличений и возражений, хотя бедная девушка совсем не помышляла прибегать к пререканиям для сохранения жизни. Мысли ее были о другом. Она встала на колени еще раньше, чем епископ Бове начал свои увещания, обратилась с молитвой к Господу, Св. Деве, Св. Михаилу и Св. Екатерине, простила всех, и сама прося прощения, говорила присутствующим: «Молитесь за меня!» Она особенно упрямилась священников прочесть мессу за упокой ее души... Все это делала она так набожно, так смиренно и трогательно, что никто не был в состоянии справиться с растущим волнением. — Епископ Бове заплакал, епископ булонский зарыдал; даже англичане всхлипывали и проливали слезы, Винчестер, как и другие.

Возможно, что именно в эту минуту всеобщего умиления, слез и заразной слабости, признала несчастная, ставшая вновь простой и слабой женщиной, что она виновата, что, ве-

роитно, была обманута обещаниями избавления. Не следует в данном случае слишком доверять пристрастному свидетельству англичан *); тем не менее нужно очень плохо знать человеческую природу, чтобы считать невероятным, будто Жанна, обманувшись в своих надеждах, могла поколебаться в вере. Высказала ли она эти колебания,—не знаю; я утверждаю только, что они у нее были.

Тем временем судьи, на минуту растерявшись, снова подбодрились и собрались с духом, а епископ Бове, утерев слезы, начал читать приговор. Он напомнил виновной все ее преступления: «схизму» **), «идолослужение», «привывание демонов»; ей напомнили то, как, уже обратившись к раскаянию, «она вновь соболщена была князем лжи, и—о горе!—снова пала, как пес, возвращающийся на свою блевотину». «Итак, закончил он, мы объявляем вас вредным членом Церкви и, как такового, отлучаем от нее; мы отдаем вас в руки светской власти, прося ее, однако, смягчить свой приговор и избавить вас от смерти и членовредительства».

*) Данные, какие они сообщают о ее мнимом отречении, не имеют и рукописи подписи ни свидетелей, перед которыми оно могло произойти, ни секретарей процесса. Трое из них, допрошенные впоследствии, ничего об этом не говорят и, повидимому, ничего и не знали. (Прим. Мишле).

**) Схизма—раскол.

Пожинутая теперь и Церковью, Жанна возложила все свое упование на Бога и попросила принести ей крест. Какой-то англичанин протянул ей крест, сделанный из палки; она благоговейно взяла его, приложила к нему и затем возложила этот грубый крест себе на грудь. Но ей хотелось получить церковный крест, чтобы иметь его до самой смерти перед глазами. Доброму Массё и брату Изамбару удалось добиться того, что ей привесли церковный крест из прихода Спасителя. В то время, как она прикладывалась к кресту, а брат Изамбар ободрял ее,—англичане стали находить, что дело слишком затянулось. Был уже полдень, солдаты ворчали, начальники выражали нетерпение: «Вы, попы, не заставите ли нас здесь обедать?!» Потеряв терпение и не дожидаясь приказаний балли *), который один имел власть распорядиться о совершении казни, они послали двух сержантов извлечь ее из рук священников. Схватив ее у подножия трибунала, последние притащили ее к палачу и сказали ему: «Делай свое дело».

Когда Жанна очутилась внизу на площади, в толпе напавших на нее англичан, она вздрогнула, побледнела и вновь воскликнула: «О

*) Балли, как и прево — посетитель административной власти.

Руан, значит, ты будешь моим последним жилищем?!» После этого она не сказала ничего и не «сорешила устами» в эту минуту страха и смятения...

Она не обвиняла ни короля, ни святых. И только достигнув вершины костра, взглянув на большой город, неподвижную и безмолвную толпу, она не выдержала и сказала: «О Руан, Руан, я боюсь, что моя смерть принесет тебе страдания». Та, которая спасла свой народ и была им покинута, умирая, нашла (о душевная кротость!) лишь слово сострадания к нему...

Ее привязали под позорным ярлыком, надели на голову высокую тиару *) со словами: «сере-тичка, отступница, идолослужительница». Палач зажег костер. Она увидела огонь сверху и испустила крик. Заметив потом, что монах, представлявший ее, не обращает внимания на пламя, она испугалась за него, и, забыв самое себя, заставила его спуститься вниз.

Убедительнейшим доказательством того, что до этого момента она не отреклась ни от чего из своих убеждений, является то, что злополучному Кошону пришлось подойти к самому подножию костра (повинуясь, конечно, той сатанинской воле, которая руководила всеми его действиями), приблизиться к жертве и заглянуть

*) Корона или шапик.

ей в лицо,—очевидно, чтобы уловить желанное слово отречения. Он услышал только одно, убийственное, повторявшее то, что Жанна говорила ему раньше: «Епископ, я умираю по вашей вине; этого не случилось бы, если бы вы заключили меня в церковную тюрьму». Враги ее надеялись, что, считая себя покинутою королем, она обвинит его и выступит, наконец, со словами осуждения.—Она в последний раз заступилась за него: «Хорошо ли я поступила или худо,—король мой не причем. Не он давал мне советы».

Огонь между тем разгорался. Когда он коснулся ее, несчастная задрожала и попросила дать ей святой воды... вероятно, это был крик испуга. Потом, тотчас оправившись, она говорила уже только о Боге, ангелах и святых, исповедуя в последний раз: «Мои голоса были от Бога, они не обманули меня». В пламени исчезло всякое сомнение, и это заставляет нас думать, что она приняла смерть, именно как обещанное искупление. Слово «спасение» она почувствовала теперь не в том иудейском, материальном значении, как понимала его прежде. Она стала видеть яснее, и поднимавшись над мраком, вошла в полную свет и святости, недосягаемую ей до сих пор.

Ее величавые слова засвидетельствованы до-

миниканцем, присяжным очевидцем ее смерти. Он поднялся вместе с ней на костер; она заставила его оттуда спуститься, и он, стоя внизу, говорил с ней, слушал ее и держал перед ней крест.

Другой очень важный свидетель ее святой смерти, человек, имя которого должна сохранить история,—уже упомянутый нами монах-августинец, брат Изамбар де-ла-Пьер. Он едва не погиб во время процесса, вследствие того, что давал советы Дезе и, хорошо зная ненависть к себе англичан, он, тем не менее, пожелал быть с нею вместе на смертной ее телеге, добиться принесения ей креста; не покинул ее среди злобной толпы, ни на эшафоте, ни на костре.

Двадцать лет спустя, оба инок, простые монахи, давшие обет нищеты, люди, которым нечего было ни искать, ни бояться в этом мире, засвидетельствовали то, что было только-то сказано. «Мы слышали, говорили они, как она призывала в пламени святых, архангела, повторяла имя Спасителя. Наконец, уронив голову на грудь, она испустила глубокий вопль: «Иисусе!»

Десять тысяч человек плакало... Лишь несколько англичан смелись, или пытались смеяться. Один из самых злобных поклялся положить на костер вязанку хвороста. Жанна умирала в ту минуту, когда он ее бросил;—он сразу почувствовал себя худо. Товарищи повели его в

таверну, чтобы напоить и привести в чувство, но он не мог оправиться и вне себя говорил: «Я видел, как с последним вздохом из ее уст вылетела голубка». Другие прочли в пламени имя Иисуса, которое она повторяла. Вечером палач пришел к брату Изамбару. Он был в ужасном страхе. Он исповедался, но не мог поверить, что Господь его когда-нибудь простит! Секретарь английского короля, возвращаясь с казни, громко говорил: «Мы погибли:—мы сожгли святую!»

Перевод с французского

Т. А. Быковой,
Е. Ч. Скоржинской
М. А. Клименко.

809/6/19018

210/19/19018

БИБЛИОГРАФИЯ.

Жюль Мишле.

На русском языке имеются лишь журнальные статьи о Мишле. Важнейшие из них:

- А. Плещеева—в „Отечеств. Записках“ 1875 г. № 4.
Тана—в „Русской Мысли“ 1886 г. № 12.
Моно—в „Русской Мысли“ 1895 г. № 3.
В. Герье—в „Вестнике Европы“ 1896 г. №№ 3—4.

J. Quicherat, Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc, в 5 томах, 1847.

Wallon. Histoire de Jeanne d'Arc, 1866. S. Luce, Jeanne d'Arc à Domremy, recherches critiques sur les origines de la mission de la Pucelle, 1886.

An. France, Vie de Jeanne d'Arc, 1908.

Prutz, в Studien zur Geschichte der Jungfrau von Orleans, Munch 1913 [в Sitzungsber der Akad. Н.Р.М. К.С. 1913] дал очерк фактов истории Девы и литературы о ней.

На русском языке есть характеристика Орлеанской Девы проф. Петрова в его „Очерках всемирной истории“. См. также статью „Иоанна д'Арк“ в новом Энциклопед. Словаре Брокгауза и Ефрона.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие	5— 24
Введение автора	25— 32
Глава I. Детство Жанны и ее призвание	33— 61
Глава II. Жанна освобождает Орлеан и приводит короля к помазанию в Реймсе	61— 79
Глава III. Жанна предана и взята в плен	79—106
Глава IV. Процесс. Жанна отказывается подчиниться Церкви	106—136
Глава V. Испытание	136—151
Глава VI. Смерть	151—165
Перевод Т. А. Быковой, Е. Ч. Скрижинской и М. А. Клименко.	
Библиография	